

ЭПИЗОДЫ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

ЛІ

Leo
2017

ЭПИЗОДЫ БУДУЩЕЙ ВОЙНЫ

Цикл рассказов в жанре
«Оборонной фантастики»

ЭПИЗОДЫ
будущей войны

ЕСЛИ ЗАВТРА ВОЙНА...

Война, которую усиленно готовят капиталистические агрессоры, война, на которую они уповают, как на единственный выход из тупика, эта война, последняя ставка всех темных сил мира, война, вдохновляемая кровавым фашизмом, — будет безудержной по жестокости, по человеконенавистничеству, по бездушию применяемых врагом военных средств.

В противовес презренным подлым надеждам международной контрреволюции великий союз народов Советской страны и взращённая ими непобедимая Красная армия будут хозяевами положения в будущей войне. Свободные народы Советского союза найдут в себе достаточно сил, чтобы дать уничтожающий отпор капиталистическим варварам и этим помочь истории свершить неизбежный акт уничтожения насквозь прогнившего строя насилия и эксплуатации, кошмарной власти человека над человеком.

Передовая художественная мысль не может не предвидеть картин этой грандиозной схватки между трудом и капиталом. Писатели, и не только писатели: инженеры, авиаторы, военные специалисты пишут рассказы и повести, показывающие неизбежную победу свободного труда, радости, над озверевшими бандами врагов.

Мы будем печатать отдельные эпизоды и сплетенные единым сюжетом композиции — все, что могут подсказать воображение, знания, чутье, инстинкт советского сердца и непоколебимая вера в победу коммунизма над обречённым миром капитализма, голода и страданий.

**КРАСНАЯ АРМИЯ ОПЛОТ МИРНОГО ТРУДА
ВЕРНЫЙ СТРАЖ СОВЕТСКИХ ГРАНИЦ**

Л. Рубинштейн

НА МАРШЕ

...Полковник вышел на балкон. Было уже темно и тихо. Налево тянулась та самая гряда известковых холмов, о которой утром говорил комбриг,— похожая на караван верблюдов. Полоса тумана скрывала ее очертания. В деревне были закрыты все ставни, из садилов доносился запах акации и сладкий запах каких-то незнакомых цветов

По плитам двора, еще мокрым от недавнего дождя, прошел караульный начальник, изредка посвечивая карманным фонарем. Кто-то спросил разрешения курить и не получил его. Было так тихо, что слышно было, как на дворе лошади артиллерийского дивизиона жевали овес и в палисаднике капала вода из трубки фонтана.

Тяжелый далекий гул артиллерии, доносившийся из-за холмов целый день пока полк находился на марше, внезапно затих. Противник не то маневрировал, не то готовился к ночному бою.

Полковник вошел в помещение штаба. Это было здание сельской школы, в которой долгое время помещались разные штабы противника. Видны были следы поспешного бегства. На полу ворох золы, жженой бумаги. На столе чашка остывшего кофе и прислоненная к ней сигарета. На стеке было старательно выведено карандашом стихотворение:

«Еще Россия не погибла
Но скоро погибнет.
Что наши не вырежут,
То чума выдушит».

Дальше следовало непечатное выражение.

Полковник усмехнулся, С самого начала войны противник не занял ни пяди советской земли.

Вошел дежурный по части. Лицо у него было озабоченно, от носа к углам рта легли две глубокие складки. Он вытянулся и доложил:

— Еще смертный случай в деревне.

Полковник сделал шаг вперед.

— Кто?

— Двое детей.

— Те же признаки?

— Те же.

— Допросили родителей?

— Молчат, видимо, боятся.

Полковник прошелся по комнате.

— Еще больше усилить наблюдение за тем, чтоб никто не пил воды в ротах. За каждый глоток отвечает лично командир и медработники. Артдивизиону и конному взводу тщательно смотреть за лошадьми. Вызвать помполита. Пойдемте, я хочу посмотреть на этих детей.

Они нашли небольшом домик с черепичной крышей. Войдя, машинально сняли шлемы.

Дети лежали на кровати. Лица у них были синеватые, руки и ноги скрюченные. Пожилая крестьянка сидела у них в ногах и стонала, раскачиваясь и закрыв лицо руками. Отец молча курил трубку в углу.

— Давно? — спросил полковник.

— Два часа назад, — сказал отец и отвернулся.

— Долго это продолжалось?

— Полчаса.

— Пили?

Крестьянин пожат плечами.

Полковник еще раз взглянул на трупки. Белокурая девочка с веснушками на лице и мальчик лет восьми в деревянных сандалиях.

Полковник чуть вздохнул и сердито подергал усы.

— Надо смотреть за детьми,— сказал он,— вернуть вам их я не могу, но предупреждаю, что вода здесь в окрестностях отравлена фашистской армией. За помощью и советом в будущем обращайтесь лучше к нашим врачам. Быть может, я могу вам чем-нибудь помочь?

Крестьянин обернулся и пристально поглядел на полковника. Во взгляде его сквозила крайняя растерянность.

— Спасибо господин начальник, — сказал он удивленно,— нам уже кое-что дал господин врач. Мы очень благодарны. Вот только... табак у нас очень плох...

Полковник вынул из кармана пачку папирос «Казбек» и положил на стол.

— Спасибо,— еще раз сказал крестьянин, голос его дрогнул,— кланяюсь до ног... господин начальник...

Он низко поклонился.

— Ладно, ладно, — сердито пробормотал полковник,— ну, пошли...

Марш был трудный. Воду возили с собой в специальных цистернах-холодильниках, тщательно оберегая их от воздушных и танковых атак. Люди и кони пили определенное количество жидкости в день. За двое суток не было ни одного смертельного случая частях. Однако в деревнях умирали люди.

Один раз колонна внезапно была атакована с воздуха. Самолеты, с фашистской свастикой на крыльях, сбросили несколько бомб, начиненных странным бесцветным веществом,

от которого через час пали две лошади в обозе. Из людей никто не пострадал. Колонна шла в противогазах.

Но это был не газ. Пытались найти разгадку в самих самолетах, из которых два были подбиты. Но летчики сожгли самолеты и сами застрелились. В грудях исковерканного металла, конечно, ничего нельзя было найти.

На обратном пути полковник сам обошел охранение и наблюдательные посты ВНОС. Завидев его высокую, тяжелую фигуру, бойцы выскакивали, улыбаясь. Полковника любили во всех подразделениях, любили его хитрые монгольские глаза, усы, повисшие червяками, и веселую иносказательную речь. В прожекторном взводе молодые москвичи из пополнения тихо спорили о преимуществах «ЗИС» перед «Бьюиком».

— А, центральный шоферский клуб, — сказал полковник, внезапно появляясь из темноты, — ну, как настроение? Кто боится?

Никто не боялся.

— Может быть, кому-нибудь охота спать?

Никто не хотел спать.

— Курить? Есть? Пивка холодного?

Курсанты засмеялись.

— Что ж это, — искренно сказал полковник, — выходит, на войне все в порядке?

— Сами удивляемся, товарищ полковник, — заметил кто-то из темноты.

— Ну-ну, ладно, — сердито сказал полковник, — я еще на вас погляжу. Это вам не «Бьюик».

Хотя не было понятно, что именно не «Бьюик», но курсанты еще больше рассмеялись.

— Молодежь в порядке, — задумчиво сказал полковник помполиту, возвращаясь в штаб, — и почему это москвичи всюду говорят об автомобилях?

В 13.20 вернулся конный дозор. Он привел с собой двух пленных.

Лейтенант Аверьянов, смуглый, сухой, серьезный, «пронзительный» человек, как о нем говорили красноармейцы, отрапортовал и ступил в сторону.

Перед полковником стояли двое людей. Один высокий, с длинным худым костлявым, лицом, с огромной нижней челюстью. На загорелой щеке у него белел короткий рубец. Глубокие глаза оловянного цвета холодно и высокомерно были устремлены на полковника. Казалось, в этом лице не было ничего человеческого. Только иногда под стальным шлемом, похожим на миску, в глубине узких глаз вспыхивал на секунду истерический огонек.

Полковник осмотрел его с головы до ног.

— Так-с, — промычал полковник с видом доктора, ставящего диагноз, — очень приятно... говорите по-русски?

Пленный отрицательно покачал головой,

— Тогда будем говорить по-вашему, — небрежно сказал полковник. — Куда девали погоны?

Пленный чуть вздрогнул, услышав родной язык, но ничего не ответил. Зато его спутник поднял голову. Этот второй пленный был одет в крестьянскую куртку и широкие складные брезентовые брюки навывпуск.

— Вы знаете этого человека? — спросил полковник, показывая на первого пленного.

Второй заморгал бесцветными ресницами и пробормотал, запинаясь:

— Я... я ничего... не знаю.

— Ага, — удовлетворенно заметил полковник, — должно быть, вы не местный уроженец?

Их обнаружили в разных местах: первого на опушке ближнего леса второго — в овраге у речки. При втором нашли длинный металлический ящик с черным крестом на крышке.

Полковник вскрыл ящик. В нем лежали шесть тоненьких нумерованных ампул, аккуратно переложенных искусственной древесной ватой.

Полковник взял одну из ампул. Второй пленный сделал невольное движение. Полковник спокойно посмотрел на него и перевел взгляд на высокого. Потом взглянул на ампулу.

— Вы еще не успели усовершенствовать это дело, — проговорил он, — что вы окажете, господин начальник отряда?

Полковник посмотрел ампулу на свет и потряс ею над столом.

— Осторожнее, — сказал второй пленный дрожащим голосом, — осторожнее, это «БЗ».

И мгновенно замолчал, съежившись пол пристальным взглядом своего спутника.

— Так, — хладнокровно продолжал полковник, — а вас как зовут?

Никто не отвечал.

— Зачем у вас эта коробка?

Человек в крестьянской куртке хотел что-то сказать, но не решался.

— Вы рядовой?

Нет ответа.

— Вы можете расстреливать нас, — сказал высокий резким, квакающим голосом, — мы все равно ничего не скажем.

Полковник внимательно посмотрел на него, подумал и сказал:

— Напрасно вы нас пугаете. Где караульный начальник?

— Здесь, товарищ полковник.

— Взять его под стражу, приставить двух бойцов. Утром доложить мне.

Высокого увели.

— Ну, теперь, — сказал полковник, поворачиваясь ко второму пленному, — ваше имя?

Пленный переступил с ноги на ногу.

— Ян Борн, — сказал он тихо.

Полковник переглянулся с помполитом.

— Рядовой?

Молчание.

— Назовите часть, род оружия?

Пленный покачал головой.

— Не могу. Прошу меня расстрелять.

— Мы не расстреливаем пленных, — резко сказал полковник, — и вы это прекрасно знаете.

— Но я не могу ничего сказать.

Полковник покачал головой.

— Неужели, Ян Борн, — сказал он, — вам не надоело жить в вечном страхе?

Борн опустил голову.

— Кто вы? Рабочий?

— Да, — пробурчал Борн.

— Из Оберланда?

— Откуда вы это знаете?

— По вашему выговору. Я два года провел у вас на родине.

— Вы были в Оберланде? — удивленно спросил Борн.

— Я был военнопленным во время мировой войны.

— А... — сказал Борн и вздохнул.

— Сколько ночей вы не спали?

— Четыре, — ответил Борн.

— Работаете у нас на тылах?

Борн не отвечал.

— Где вы работали до войны?

— На химическом заводе.

— На каком?

— Детаг-Фарберейн в Гертингере.

— И не стыдно вам, Борн, убивать крестьянских детей?

— Детей? Я не убивал детей.

— Сегодня в деревне умерли двое маленьких детей — брат и сестра, от неизвестной болезни.

— Я ничего не знаю, — быстро проговорил Бори, опуская голову.

— Да тут и знать нечего. Они пили воду, которую вы заразили.

Борн молчал.

— Я все знаю, — продолжал полковник, — вас спустили с самолета вчера, под прикрытием воздушной атаки. Я так понимаю, что это опыт?

— Опыт, — вяло сказал Борн.

— Безнадежный опыт. Ни один красноармеец не пострадал. Зато было несколько смертных случаев среди населения. Хотите убедиться? Товарищ дежурный, покажите ему детей. Стойте, я сам пойду.

Борна почти насильно втолкнули в домик с черепичной крышей. Дети лежали на столе рядышком, прикрытые простыней. У изголовья горела свеча.

— Простите, — сказал полковник, — мы пришли снова. Вот убийца ваших детей.

Мужчина с трубкой приподнялся и, тяжело шагая, подошел к пленному.

— Что он сделал? — медленно сказал он.

— Он заразил воду в окрестностях.

Борн молчал.

— Послушайте, Борн, — сказал полковник, — может быть вы объясните, заразительно ли это через воздух?

— Я сам не знаю, — тихо сказал Борн, — мы работали только на кроликах.

— Мерзавец! — раздельно сказал мужчина с трубкой и отошел к стене.

— Можно идти, — проговорил полковник.

Пленного вывели на улицу.

— Посадить его отдельно от первого и дать ему карандаш и бумагу. Утром приготовить наряд для отправки обоих в штаб бригады.

— Что со мной будет? — тяжело дыша, спросил Борн.

— Ничего. Вы рабочий. Я надеюсь, что в вас проснется хоть капля совести. Я сам бывший красильщик. Но я ничего от вас не требую.

В середине ночи снова за холмами загудели пушки. Наступало самое напряженное время суток — вторая половина ночи. Летучая почта доставила новое задание комбрига. Полковник сидел с начальником штаба над картами, когда запел полевой телефон и дежурный связист принял сигнал «воздушная тревога».

Сигнал был мгновенно передан по полку. Не прошло и трех минут, как с черного беззвездного неба донесся рокот моторов. Небо на секунду озарилось яркой вспышкой и ослепительная звезда стала медленно спускаться вниз, бросая дрожащий мертвенно-белый круг света на безмолвные крыши и огороды.

Это был осветительный снаряд. За ним последовали два других. Они медленно падали на парашютиках. В деревне все было тихо.

Молодые москвичи из пополнения сидели у прожекторов наготове. Они знали все оттенки в гуле моторов. Они знали, что самолеты пошли ниже. И тут вдали что-то тяжело грохнуло. Дрогнула земля, с криком взвились где-то птицы. Упала бомба.

Полковник приказал не отвечать. Гул моторов нарастал, наблюдатели сообщили о второй группе самолетов.

Одновременно с гулом моторов со стороны холмов донеслась далекая тяжелая дробь бронебойных пулеметов второю эшелона. По-видимому там шли танки.

Еще раз полыхнуло и грохнуло где-то за деревней. Следующий снаряд ударил прямо в деревенскую площадь и поднял огромную тучу земли, досок и черепицы. Противник обстреливал деревню не по наблюдению, а по плану. Предполагалось, что здесь расположена красная часть.

Молодые люди из пополнения, наконец, плутили возможность доказать свои способности. В их расположении запищал телефон, и командир приказал приготовиться. С поста управления включили прожекторную установку. За тяжелым сеточным стеклом раздалось шипение, которое затем перешло в глухой гул. Широкий сноп света метнулся на пять километров ввысь и уперся в обгоняющие друг друга облака, похожие на дым. Невдалеке лейтенант орудовал регулятором на доске звукоулавливателя. Четыре трубы двигались, как бы шаря и прислушиваясь. Вместе с трубами автоматически двигалось в стороне и неуклюже огромное блюдо прожектора. Зеркало-отражатель сияло нетерпеливым блеском. Световой столб, как нож, резал облака и, наконец, остановился, нащупав быстро летящие белые крылатые существа, похожие в столбе света на

гигантских насекомых. «Искатель» выполнил свою работу. Теперь к нему присоединились «сопроводители», и еще четыре таких же белых столба взметнулись к мутному небу. Один из них задел еловые леса Гохвадьда.

Сразу же в полосе яркого света вспыхнуло длинное белое облако, за ним другое, третье... Зенитчики и прожектористы работали точно и быстро.

— Ишь ты, — проговорил полковник, опуская бинокль, — шоферский клуб как действует.

Немного пониже, в лощинке, наводчик, привалившись грудью к рычагам и не спуская глаз с концентрических кругов диоптра, с трудом сдерживал мощную вибрацию тройного зенитного пулемета.

Земля вздрагивала, в штабе мелко звене стекла, в конюшнях нервничали деревенские лошади и собаки, повизгивая, жались поближе к людям.

Наконец, на небе вспыхнуло пламя. Яркогорящий клубок, оставляя за собой огненный след, покатился к горизонту и там взорвался выбросив фонтан огня. За ним последовал другой, потом третий.

Полковник спокойно следил за этой феерической картиной. Его не волновали ни монотонный гул моторов, ни поспешное хлопанье зенитных пушек, ни густой, низкий, механический звук пулемета, ни яркие световые дуги трассирующих снарядов и метущиеся белые столбы прожекторов. Романтика ночного боя потеряла для него всякую привлекательность. Он привык драться по ночам. Он отдавал приказания и поднимал бинокль. Голос его стал сухим и жестким. Он распоряжался, как дирижёр огромного оркестра, механизм полка работал безотказно, и стоило этому большому усатому человеку поднять руку, чтоб заговорила или замолчала новая батарея.

В четыре часа утра ракета обозначила «отбой». Гул моторов смолк. Четыре самолета противника упали и сгорели, остальные ушли. Рыжая полоса зари поднялась над верхушками елей Гохвальда.

Полковнику принесли письмо, нацарапанное карандашом на обрывке бумаги. Он подошел к окну и при мутном свете наступающего дня прочел письмо:

«Господин полковник, я прошу вас уничтожить это письмо, как только прочтете. Я вовсе не член фашистской партии, я рабочий, Ян Борн меня зовут. Человек, с которым меня поймали, капитан Гальс, знаменитый Гальс, занимается опытами с бактериями, он называет это «черный крест», не верьте ни одному его слову. У меня не было выхода, — если б я не пошел на это дело, меня послали бы в атаку и прикончили бы пулей в спину. Я сейчас боюсь, они все равно меня прикончат как прикончили четырех других из «специальной части № 3». Они говорят, что человеческая жизнь ничего не стоит и кто боится умереть, тот не имеет права жить и может быть использован как «материал». Когда кончит война, прошу вас передать привет вдове Ганне Борн из заводского поселка в Герт-ингере, в Оберланде, а я больше не могу так жт все равно он меня убьет. У меня есть ампула, зашитая в белье».

— Дежурный! — рявкнул полковник, — куда посадили пленного?

— В нижний этаж, товарищ полковник...

— За мной!

Было уже поздно. Белобрысый человек в крестьянской куртке лежал, уткнувшись головой в угол, нелепо разбросав ноги в тяжелых солдатских сапогах. Лицо его посинело. На полу чуть поблескивали кусочки тоненького чистого стекла.

Полковник посмотрел на него и прикоснулся пальцами к козырьку шлема.

— Бедняга, — сказал он, потом дернул себя за ус. — Товарищ помполит! Сейчас семнадцатый час. Время есть. Распорядитесь похоронит его как советского гражданина.

— Есть похоронить! — глухо отозвался помполит.

Полковник вернулся в штаб. Перед, тем как засесть за карты, где красным был отчеркнут рубеж, на котором следовало полку развернуться, он закурил, подошел к окну. Он снова увидел надпись карандашом на стене.

— Вам придется потанцевать, пока нас чума выдушит, — сказал он сквозь зубы. — Товарищ помполит, дайте я подпишу рапорт и отправьте пленного в штаб бригады. Коробочку тщательно упаковать и вручить под расписку лейтенанту, который будет его сопровождать. Вызвать сюда начальника штаба.

— Есть вызвать сюда начальника штаба! — как эхо откликнулся дежурный.

Бела Иллеш

МЕЖДУ ГОРНЫМ КРЯЖЕМ И РЕКОЙ

Узкая, 86 километров шириной полоса земли между горной цепью и рекой была занята врагами еще до объявления войны. Небольшие части республиканской армии были застигнуты врасплох. Они мужественно защищались, но бой был короткий — они были уничтожены. В этом бою в плен не брали.

Армии обоих агрессоров соединились. Пришедшие с северо-запада казнили объявивших забастовку рабочих топором, пришедшие с юга — через повешение.

Все три горных прохода, ведущие через гарную цепь на северо-восток, были заняты войсками. Железные дороги, ведущие к северо-востоку, были милитаризованы. Длинные поезда день и ночь привозили новые эшелоны, орудия и амуницию. Фабрики и заводы поступили в распоряжение военного ведомства. Было объявлено чрезвычайное положение.

В соляных копиях собралась группа беженцев — рабочие, крестьяне, шахтеры, два сельских учителя, инженер и несколько солдат разбитой республиканской армии. Новые власти произвели тщательный обыск в соляных копиях, но не нашли ничего и никого. Не нашли потому, что беженцы спрятались не внизу, в шахте, а в заброшенном, десятки лет не использовавшемся коридоре, лежащем на глубине 300 метров, но на 200 метров выше соляных копей.

— Мы находимся на расстоянии 273 километров от советской границы, — сказал инженер.

— В данном случае важно не расстояние. У нас нет связи ни с ними, ни с нашими рабочими и крестьянами.

— Это значит, — сказал один из учителей, о котором все присутствующие знали, что он член коммунистической партии, — что мы должны наладить связь. По другую сторону горного хребта — с советскими войсками, а здесь... Короче говоря, мы должны создать партизанские отряды.

— Это трудно и опасно, — проговорил фельдфебель.

— Трудно и опасно. — повторил один высокий шахтер, — но это необходимо, и нам нужно сделать это немедленно. Не забывайте, что не только советские войска имеют возможность пробиться через горный проход В. и ударить в тыл фашистам. Положение таково, что через проход Д. фашисты могут зайти в тыл советским войскам. Значит, нам нужно действовать немедленно.

— А разве невозможно, — спросил крестьянин, — чтобы советские войска прибыли сюда на аэропланах? Как я читал, целые полки могут спуститься на парашютах и они же могут спустить на парашютах пушки и танки.

— Да, это они могут, — ответил фельдфебель. — Но куда? — обратился он к себе самому. — Все аэродромы находятся в руках врагов, за всеми полянами строжайший надзор. Наша страна очень мала и повсюду леса, дремучие леса. Это место не для парашютов.

— Все-таки нам нужно действовать, и поскорее!

— Да, это так.

Это было мнение не одного только говорившего, а всех! Спустя час четыре человека оставили свое убежище. Один из них был взят в плен и спустя некоторое время, после того как никакие

пытки не могли заставить его заговорить, был повешен. Из оставшихся троих один пошел в направлении к северо-востоку, двое — на запад.

Ночи были темные и — хотя был уже конец апреля — довольно холодные.

Утром в небе появился советский аэроплан. Один единственный. Пилот, как утверждали фашисты-офицеры, был трус. Он не сбросил ни одной бомбы, и после того как десять фашистских аэропланов поднялось на воздух, улетел. Но «трус» был все же упорным человеком, потому что спустя час он появился снова. Его опять прогнали, но в течение дня он прилетал трижды. Чёрт знает, чего он хотел.

На следующий день, поздно вечером, из трех оставшихся в живых курьеров вернулись двое. Они коротко сообщили о виденном.

— Значит, нужно действовать, — сказал инженер, — я знаю хорошо эту местность. Думаю, что эту работу вы можете поручить мне.

— Нам совершенно необходима твоя работа, товарищ, но нужны также и наши руки. Все должно быть сделано в течение двух-трех часов, поэтому нам нужно идти всем.

— Ну, вперед. Быстро, но осторожно.

— Осторожно, но быстро.

Они находились а самой глубине леса. Старые дубы, одетые свежей листвой, безграничный покой,

— Стой!

Перед ними появился крестьянин с топором в руке. За ним еще десять, сто, еще больше... Крестьяне, рабочие с топорами и пилами.

— Это мы,— сказали учитель, — сколько вас пришло?

— Хватит,— ответил крестьянин.

— Товарищ инженер выберет место и расставит людей. Все мы должны ему повиноваться. Где мы, собственно говоря, находимся?

— Двадцать два, двадцать три километра от железной дороги, несколько ближе — от шоссе. Это то место, которое выбрал советский пилот.

— Ну, за работу,— сказал учитель.

Это была нелегкая работа. За дело взялись несколько тысяч опытных рук, тысячи топоров, тысячи пил. Нужно было сохранять тишину и передвигаться в темноте. И кроме того необходимо было работать быстро, очень быстро. Они предполагали закончить все к четырем часам утра, а закончили после пяти.

Немного позднее пяти часов инженер обследовал место работы. На протяжении почти двухсот метров в длину и немного более ста двадцати метров в ширину весь лес был вырублен.

— Готово,— сказал инженер.

— Боюсь, что здесь немного тесновато, — проговорил фельдфебель.

— Много хороших людей может поместиться на одном покрывале,— ответил ему учитель.

— Будем надеяться.

Солнце давно уже взошло, но облака затянули небо, день был совсем осенний. Птицы пели свою утреннюю песню.

Днем в лесу была глубокая тишина. Тысячи людей лежали, почти не шевелясь, на еще влажной траве. Они были утомлены, но спать не могли. Каждые пять минут инженер извлекал из кармана часы, время тянулось сегодня бесконечно долго. Все же

стало медленно смеркаться. В лесу потемнело. Ветер прогнал облака на юг, но далекие звезды как будто еще более углубляли темноту.

— Десять часов,— объявил инженер.

— Значит, сейчас,— поднялся главарь лесорубов, и сам зажег костер на середине вырубленной площадки.

— Если наши будут точны,— сказал учитель,— тогда все в порядке, если они запоздают, — через три часа здесь будут враги.

Но советские летчики были точны. В десять часов двенадцать минут появились первые девять аэропланов, спустя одиннадцать минут на земле стояли уже почти сто красноармейцев. Они показали крестьянам и рабочим, как свертывать парашюты.

В одиннадцать часов в лесу были уже 1800 красноармейцев, а в час ночи их было уже более 5 000.

Когда на востоке стало светать, в лесу находились уже более 10.000 красноармейцев с пулеметами, артиллерией и танкетками.

— Часть наших подготовит путь к железной дороге,— обратился крестьянин к командиру.— Мы отобрали для этого дела 800 человек. Остальных вы должны вооружить, товарищ, мы имеем право участвовать в борьбе с оружием в руках.

— Есть, товарищ! — ответил командир, молодой украинец.

Перевод М. ЗЕЛЬДОВИЧ

**КАЖДЫЙ КОМСОМОЛЕЦ ДОЛЖЕН
ОВЛАДЕТЬ ВОЕННОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТЬЮ!**

Исаак Зарубин

ПИСЬМО

Красноармейцы шли по сухой осенней проселочной дороге. Ровно стучали сапоги пехоты, гремели повозки артиллерии. Население — старики, старухи, дети — встречали и провожали все новые и новые отряды, направлявшиеся на фронт.

Недалеко от дороги находился детский дом. Двухэтажное здание было обнесено садом. Радиомачта возвышалась над верхушками деревьев. По двору разбегались мягкие от опавших листьев дорожки. В доме жили, учились и работали сорок семь человек — двенадцатилетние и четырнадцатилетние парни.

Воспитанники выходили на дорогу, встречали идущих красноармейцев.

Детдомовский духовой оркестр играл походные марши. В такие минуты воинские оркестры и гармошки умолкали, а маленькие оркестранты, терявшиеся среди больших труб, дули изо всех сил, совершенно счастливые от оказанного им внимания и доверия. В такие минуты особенно вдохновлялся дирижер. Стоя на бугорке, он дирижировал обеими руками, притоптывая ногой в такт музыке. Он понравился красноармейцам, остановившимся отдохнуть.

Воспитанник, одетый в короткую черную курточку, в серой кепке, оттенявшей его свежее чистое детское лицо, в длинных выглаженных брюках, прикрывавших ботинки, деловито спрашивал у бойцов: «Как дела?»

Он жаловался на директора дома, не отпускавшего его на фронт.

Кроме противогаза, который был у всех воспитанников, на его плече висел самодельный бинокль из картона и фотоаппарат, полученный в премию за успешную учебу и общественную работу. Дирижер деловито рассматривал в бинокль бесконечную перспективу дороги, вздыхал и по-взрослому говорил «да-а».

Бойцы ходили по-двое, по-трое, разговаривали с ребятами, шутили.

— Ну как, этого возьмем на фронт?

— Этого? Этот, по-моему, несмелый.

— Чего не смелый, а кто лазил на крышу антенну ставить?

— Ну хорошо, смелый. Возьмем.

— А меня возьмем, — спрашивал маленький хитренький паренек, нарочито подчеркивая слово «возьмем». Зная, что это шутка, что его не возьмут, он указывал на себя и говорил улыбаясь: — Давайте его возьмем.

Боец присел на краю дороги, вынул из походной сумки конверт, бумагу, карандаш и начал писать. Это привлекло внимание дирижера, все время бегавшего и расспрашивавшего красноармейцев. И когда все вопросы — «а что это?», «а вот неправда», «а я это знаю?», — были выяснены, он подошел к пишущему и спросил.

— Вы кому пишете?

— Домой.

— А можно я вас сниму, пошлете домой карточку?

— Сними.

Мальчик вынул из кармана газету, встал на колени и попросил пишущего не шевелиться.

— Готово! Скажите, а по какому адресу, кому послать?

Боец рассмеялся.

— Ну, ладно-ладно — не мешай, видишь пишу.

Раздалась команда: стройся! Дирижер издал махнул рукой, и маленькие оркестранты заиграли походный марш.

— Товарищ красноармеец, — не отставал дирижер, — скажите адрес... А то давайте я все письмо отправлю.

— Отправишь?

— Честное пионерское...

Заиграл воинский оркестр. Ребята замолчали и посерьезнели. По сухой осенней дороге отряд ушел на фронт.

Вечером в детдомовской фотолаборатории воспитанник проявил и отпечатал два снимка. Один он оставил себе на память, другой отправил утром вместе с письмом.

На обороте снимка написал крупными буквами, какими он писал в тетради по косым линейкам: «Моя дорогая Катя! Прости за плохую фотографию, снимался в походе. Помню тебя и твою просьбу — буду смело сражаться и метко стрелять. Целую и целую, твой Петя».

Валерия Герасимова

БАБА

Пленная сидела, откинувшись всем телом назад, голова ее в простой ситцевой косынке утомленно прислонилась к серому стволу осины, на коленях неподвижно лежали большие, тяжелые, рабочие руки. Издали казалось, что сидит какой-то или очень дряхлый или изнемогающий от усталости человек, — вблизи оказывалось, что это еще не старая и не утомленная, а зверски и, как видно, изобретательно избитая женщина.

Все ее вспухшее кровоточащее лицо было точно опалено, в уголках растрескавшихся, как от нестерпимой жажды губ алела кровавая пена, и казалось, только светлые серые глаза еще жили на этом умершем лице.

Рядом с ней стояли приведшие ее сюда лейтенант бортмеханик Ганс Шюльне, с тяжелым маузером в руке, и пилот, высокий, сухопарый капитан Артур Фохт.

Тяжелая рукоять маузера, зажатая в руке Ганса Шюльне, была в крови.

Положение летчиков было крайне затруднительным: потеряв направление, они вынуждены были сделать посадку и в кратчайший срок ориентироваться, чтобы полететь именно к своим, а не в расположение сил противника, которое, как они уже неоднократно могли убедиться, неожиданно менялось.

И у этой как будто бы совсем простой женщины, у этой случайно попавшейся к ним русской крестьянки они должны были любой ценой получить самые простые, но кровно необходимые и спасительные для них сведения.

Их легкий самолет, их любимый «Рихтгофен», как верный залог опасения, блистая на солнце алюминиевыми крыльями, стоял на опушке осиновой рощи, заведенный и готовый к полету. Капитан Артур Фохт кончиком сапога приподнял поникшую голову женщины.

— Она молчит,— сказал он, — и будет молчать, как животное, даже тогда, когда ее начнут резать. Ваша энергия, дорогой Ганс, едва ли затрачена целесообразно. В силу целого ряда обстоятельств как исторического, так и биологического порядка, определенный разряд людей мало доступен для восприятия страданий. Еще в мае 1914 года под Стоходом я принужден был отметить это странное обстоятельство. Они умирали, как мухи.

Седые усы командира, еще вытягивавшегося в строю перед великим императором Вильгельмом II, дрогнули от презрения,

— Ба-ба, — произнес он несколько замедленно, но очень отчетливо то слово чужого языка, которое крепко удержалось в его памяти еще со времен кампании 1914 года.

— Ба-ба, — повторил он с видимым наслаждением еще раз это грубое, короткое, дикое слово.

Услужливо усмехнулся и молодой толстощекий Ганс Шюльпе, всеми силами старавшийся «учиться жить» у своего опытного, закаленного и, как он полагал, чрезвычайно образованного начальника, который знал все: и афоризмы Ницше и методы бактериологической войны в тылу противника.

— Ба-ба, — вслед за начальником повторил и он.

— Но, господин капитан, когда я только принялся за нее, она что-то бормотала.

— Я достаточно знаю русский язык, — холодно возразил капитан, — чтобы разобраться в ее бормотании. — Ты, ба-ба,— крикнул он, наклоняясь к неподвижно откинутой голове в

косынке и показывая рукой по направлению к невысоким холмам, — ваши там?

Светлые серые глаза смотрели на него с неизъяснимым равнодушием.

— Или... там? — с мучительным напряжением крикнул капитан, указывая рукой в противоположную сторону.

Женщина молчала.

Не выдержав унижения своего начальника, Ганс, поднес маузер к темной, в крапинках косынке.

— Раз, два, — считал он, не спуская вспыхнувших грозных глаз с утомленного, точно спящего лица женщины.

— Подождите, — остановил его начальник, — это, Ганс, мы всегда успеем. Надо лететь, чёрт возьми!

Секунду он подумал:

— По литературе известно, да и путешествуя в 1911 году по Конго, я неоднократно убеждался в этом сам, что у низших расовых племен гораздо резче развит рефлекс жадности, чем рефлекс страданий.

И капитан Артур Фохт, вынув золотые часы, точно забавляя ребенка, поиграл ими перед серыми неподвижными глазами женщины.

Она молчала.

Капитан выпрямился, вытер лоб, в глазах его засветилась тоскливая, почти мистическая ненависть.

— Низшие расы в течение тысячелетий не меняют своего облика... Меня забавляет, например, это широкое лицо, платок на голове и что-то вроде гимнастерки на этой бабе. В 1914 году, сталкиваясь с ними в прифронтовой полосе, я неоднократно отмечал...

Капитан, удовлетворенный, что урок самообладания не проходит даром для его подчиненного, все же прервал речь, услышав отдаленный, но могучий удар тяжелого орудия.

Казалось, даже светлые алюминиевые крылья «Рихтгофена» нервно дрогнули.

— Это они, — сказал Ганс Шюльпе, побледнев, — я полагаю, господин капитан, что лучше полететь наугад, чем еще немного задержаться здесь.

— «Наугад» — слово характерное для русских, — ответил сухо капитан, — не надо горячиться и терять голову, Ганс Шюльпе. Мы все же должны попытаться помимо этой кретинки ориентироваться хотя бы приблизительно. Нам следует пойти на ближайший холм.

— А как, господин капитан, с ней? — спросил Ганс Шюльпе, кивнув на женщину. — Сейчас?

— Повторяю, что это всегда успеется, — сказал капитан значительно. — А вам, Ганс, удалось привести ее в такое состояние, что эта дама вряд ли сможет сделать больше пяти шагов.

И два пилота — высокий, стройный, сухопарый Артур Фохт и коренастый и широкоплечий, с крепко посаженной круглой головой Ганс Шюльпе, — не оглядываясь на поникшее у осины тело, направились к сиявшему нежной зеленью холму.

Удары тяжелых орудий все учащались, только теперь они слышались и слева, и справа, и, казалось, даже вверху. Не дойдя трех шагов до возвышенности, пилоты поползли, затем припали к биноклям,

К тяжелым ударам орудий неожиданно присоединились бесстрастные, равные и поэтому особенно безжалостные голоса пулеметов, и в этом тревожном потоке звуков капитан и его помощник не сразу уловили до ужаса знакомый, привычный для

каждого летчика звук — звук, страшное значение которого стало им понятно минуту позднее.

Минуту позднее перед ними прошло видение, поразившее их на весь тот короткий отрезок времени, который им еще оставалось просуществовать.

На опушке осиновой серебристой рощи, чуть подрагивая на ходу, бежало блестящее стройное тело «Рихтгофена». Отбежав от рощи, оно легко отделилось от земли и радостно, спокойно — торжествуя поднялось над нею, управляемое решительной, крепкой, бесстрашной рукой опытного пилота.

Оно поднялось над землей, чтобы оставить представителям «цивилизованной расы», как последнюю память о русской бабе, окровавленную простую косынку у тонкой осины. И с каждым ударом орудий, с каждым звуком пулеметной стрельбы, все уже, все теснее стягивающееся кольцо смерти.

Бор. Левин

СЛУЧАЙ В ГОСПИТАЛЕ

Нашим врачам и сестрам пришлось немало повозиться с ранеными солдатами фашистской армии. Они категорически отказывались принимать лекарства и пищу, будучи уверены в том, что их отравят. В первые же дни военных действий с Советским союзом фашистское радио и фашистские газеты бесконечно много писали и говорили «о зверствах большевиков». Продажные писаки красочно описывали, как советские враги истязают раненых фашистских воинов. «Насытившись страданиями несчастных, они их медленно отправляют на тот свет», — уверяли эти писаки. Специальные фильмы и плакаты говорили о том же. Свиноподобная сестра с отвратительной улыбкой предлагает лекарство раненому белокурому солдату с явными чертами арийца. Подпись на плакате гласила: «Даже когда вас ранят, — не сдавайтесь в плен. Все равно большевики отравят вас на больничной койке»...

Врачи и сестры полевого военного госпиталя энского корпуса, где главным образом были сосредоточены раненые пленные, вначале недоумевали, почему больные отказываются от пищи и лекарства. Догадавшись, в чем дело, они быстро нашли выход из положения. Прежде чем давать лекарство больному, сестра из этой же бутылочки наливала лекарство себе в ложечку и выпивала его. Точно так же она поступала и с пищей: вначале сама попробует, а потом предлагает больному.

Сестра Катя страдала больше других. Она терпеть не могла манной каши, а теперь во время дежурства ей приходилось

съедать не меньше пятнадцати ложек этой самой каши и еще при этом не морщиться.

Через несколько дней, когда больные убедились в том, что никто и не собирается покушаться на их жизнь, вся эта «каторга», по выражению сестры Кати, кончилась. Раненые повеселели, охотно проглатывали лекарства и еще с большей охотой опустошали тарелки с бульонами, стаканы с кашей.

Один только Пауль продолжал оставаться недоверчивым. На этот раз функции сестры выполнял его сосед по койке — Эрнст. Он, для того чтобы Пауль был абсолютно спокоен, отправлял к себе в рот с каждого блюда не одну ложечку, как это раньше делала сестра, а две, а то и три ложечки.

Вскоре Паулю это надоело и он предпочел, так же как и другие раненые, без предварительной дегустации посторонних съедать свой завтрак, обед и ужин.

Окрепших раненых отправляли в тыл... Неожиданно на участке энского корпуса противник прорвал фронт. Госпиталь не успели эвакуировать. Неприятель немедленно сменил весь советский медперсонал. С такой же быстротой исчезли и продукты, предназначенные для больных.

Однажды поздней ночью Паулю не спалось, он на костылях вышел в коридор покурить. Дверь из кабинета главного врача была приоткрыта. Пауль услышал странный разговор, который вел главный врач с комендантом госпиталя.

— Где же логика? — спрашивал взволнованно врач. — Многие из них поправятся и смогут снова вернуться в армию... Все эти безногие, безрукие при современной технике протезов смогут быть полезными людьми обществу.

— Не учите меня, доктор, — грубо прервал его комендант. — Вы не учитываете того эффекта, который это произведет на нашу армию и на весь мир. Гораздо полезней будет для нашей

нации принести в жертву этих несчастных калек. И потом мне надоело вас уговаривать. На войне не уговаривают... Приказ есть приказ. Извольте к завтрашнему утру, не позже одиннадцати, составить акт о том, что, — отчеканил комендант, — большевики, удирая, отравили раненых. Вы представляете доктор, — добавил он с пафосом, — какая это будет сенсация для всего мира! Мы все это заснимем... Штаб обещал прислать кинооператора... Да, это будет лучшая иллюстрация к разговорам о зверствах большевиков. Без дела, без доказательств разговоры остаются только разговорами...

Пауль, стараясь как можно тише стучать костылями, пробрался к себе в палату. Он вспотел от страха. Что делать? Надо спасти себя и товарищей. Он разбудил Эрнста и все рассказал ему.

— Тебе это, наверное, приснилось, — заметил Эрнст, недовольный тем, что его разбудили. — То тебе мерещилось, что нас красные хотят погубить, то уж свои... Спи и не мешай другим спать, а то уж светает, — и Эрнст повернулся спиной к Паулю.

— Это не сон! Клянусь тебе, Эрнст! Эрнст! — зывал Пауль, но тот его уже не слушал.

На рассвете сестра принесла больным на подносе кофе. Она поставила стаканы на столики и ушла. Больные начали просыпаться.

— Ну, что, жив? — спросил насмешливо Эрнст у Пауля.

Но бледное и осунувшееся лицо товарища не на шутку испугало его.

— Хочешь, сейчас проверим? Кис-кис, — поманил он вошедшую в палату рыжую кошку. Кошка, мяукая, подошла к кровати Эрнста. Он налил в блюдечко кофе и поставил на пол.

Эрнст и Пауль тревожно следили за кошкой. Кошка вылакала кофе, не облизываясь, медленно пошла к выходу и у самой двери упала замертво.

— Она умерла! — закричал Пауль, хватая за руку Эрнста, — Она умерла!

— Да, да, — прошептал Эрнст... Товарищи! — закричал он громко на всю палату: — Не пейте кофе, оно отравлено!

Поднялся невообразимый шум. Все бросились к дверям, где лежала бездыханная кошка. Пауль рассказал о ночном разговоре доктора с комендантом.

— Они хотели нас отравить, а потом свалить все на большевиков, — выкрикнул кто-то, угрожая костылем.

На шум и крик вбежали сестры, появился доктор. Заметив мертвую кошку, он тотчас же исчез.

Комендант вошел в палату с вооруженными солдатами.

Через два дня, когда наши вновь заняли этот госпиталь, они были страшно удивлены, обнаружив в сарайчике для дров безногих, безруких солдат противника с огнестрельными ранами в черепках.

— Зачем они убили своих же раненых? — недоумевали наши.

Главный врач госпиталя, которого нашли в этом же сарайчике, толком ничего не мог объяснить.

— Я спрятался от своих... Я боюсь их... Я раньше был фашистом, а теперь я не буду.

— Ну, хорошо, — говорили ему. — Можете и не быть фашистом, если не хотите. Ваше дело. Но объясните, откуда эти трупы?

Врач очень подробно все рассказал. И трудно было поверить этому, настолько это было чудовищно.

**МЫ РОЖДЕНЫ,
ЧТОБ СКАЗКУ
СДЕЛАТЬ БЫЛЬЮ...**

Геннадий Фиш

ОЛЬГА ПОПОВА ВЫПОЛНЯЕТ ЗАДАНИЕ

Еще и суток не прошло с тех пор, как нас срочно вызвал к себе командир и сказал:

— Товарищи, произошло то, чего мы так не хотели, но к чему были готовы. Враг напал на нас. Сейчас вы получите боевое задание — опасное задание, и если кто-нибудь из вас чувствует хоть малейшее колебание, то я прошу отказаться сейчас же.

И он внимательно взглянул на нас.

С минуту мы помолчали — каждая думала о своем и каждой стало немного не по себе. В таком настроении лучший выход — действие.

Надя выпрямилась и как бы отрапортовала за всех нас:

— Мы готовы выполнить все, что нам прикажет командование!

Командир улыбнулся и спросил:

— Знаете ли вы в совершенстве язык?

Мы на этом языке разговаривали два дня в шестидневку.

— Тогда немедленно соберите свои самые лучшие платья, туфельки и приходите ко мне.

По улицам проходили демонстрации. Пели песню дальневосточных партизан, но с новыми словами. Несли портреты любимых вождей. Шофер, непрерывно нажимая пуговку кляксона, повел машину по закоулкам, но и там было много народа. Увидев меня в военном костюме, демонстранты остановили машину и хотели меня качать. Ко мне уже

протянулись руки из толпы, бросали цветы. Я встала на сиденье и крикнула:

— Товарищи, не задерживайте, у меня срочное дело! — и сразу все расступились.

Радиорупоры выкликали все новые и новые известия: «Фашистами убит знаменитый писатель, друг советского народа»...

У меня сами собой сжались кулаки и я чуть не заплакала. Я так люблю его произведения.

Уже когда я вбегала со свертком, в котором было платье, туфли и чулки, в вестибюль, я услышала сообщение по радио о том, что в Амбуре началось рабочее восстание. «Рабочие захватили центр города и все важные учреждения. К ним присоединились мобилизованные, собранные на двух мобилизационных участках».

Командир не стал разговаривать с нами в своем кабинете и повел нас на аэродром.

Мы с Надей шли под руку, она шепнула мне:

— Это в мирное время можно называть планеты именами разбившихся парашютисток-комсомолок, — Я вспомнила Тамару и Любу. — А в военное — не хватит планет.

В кабине самолета, стоявшего рядом с тем, на котором должны были мы лететь, сидели еще пять парашютисток и помполит. Я тогда не знала, что им дается то же задание, что и нам. Но это к делу не относится. Так или иначе, задание должно быть выполнено.

Командир развернул перед нами карту. В центре карты был Амбур, тот самый, в котором сейчас дрались рабочие.

— Вот к этому городу с разных сторон ведут пять железных дорог, — показал нам командир по карте, — и вас пятеро. Каждая из вас должна взорвать один путь. Выполнив задание, вы должны

стягиваться, — и он еще раз внимательно взглянул на нас, — к домику в леске, на высоте 19. Вот.

Становилось уже темно. Командир взял карманный фонарь и осветил карту. Потом вынул из полевой сумки листки и роздал нам.

На моем листке был отмечен только тот железнодорожный путь, который я должна была разрушить, и пунктиром намечена кратчайшая дорога к домику. Мне предстояло идти к нему километров пятнадцать.

Мотор соседнего самолета заревел.

Волнами побежала высокая трава аэродрома.

Мы стали надевать комбинезоны.

Соседний самолет сорвался с места, побежал по аэродрому, оторвался и начал набирать высоту.

Командир отозвал меня в сторону и спросил, не передумала ли я?

Конечно, мне было немного не по себе, но было радостно, что в первый же день я начинаю действовать... И как! Помогаю своим братьям, зарубежным рабочим. После того как я услышала по радио о рабочем восстании в Амбуре и командир дал нам задание, я была уверена, что мы должны взорвать пути для того, чтобы фашисты не могли подвезти свои войска для подавления восстания. Но спрашивать ничего не полагалось.

— На твоём пути к домику будет придорожная гостиница, сможешь в ней отдохнуть. Вот деньги! — сказал командир и роздал каждой из нас немного денег.

Потом командир стал по очереди отводить девушек в сторону и каждой сообщал дополнительные сведения.

К нашему аппарату подошел пилот. Как это я раньше не заметила, что мы разговариваем у петиной машины?

Мы поздоровались с Петей как знакомые.

Команда: «Уничтожить листки!» Потом: «По местам!»

Все стали забираться в кабину аэроплана.

Вдруг Петя подошел ко мне и крепко обнял при всех. Мне от этого стало сразу очень хорошо, тепло и вместе с тем было неловко перед другими за то, что мне так повезло. Им не с кем было попрощаться... А у меня здесь — Петя!

Он взглянул мне в глаза и серьезно сказал:

— Смотри!

— Да уж ладно!

Я влезла в машину последней. Мотор уже ревел. По небу бегали лучи прожекторов.

Мы незаметно оторвались от земли.

Огней на аэродроме почти не было и город снизу лежал тоже притихший и затемненный. Шли мы больше двух часов между облаками, и когда появлялась земля, она была темная и неизвестная.

— Девушки! — вдруг всполошилась Настенька, — я забыла как на их языке называется Малая Медведица!

Несколько раз Петя через плечо смотрел на нас и улыбался мне. Он, конечно, волновался немного за меня, ну, а мне было уже смешно. Теперь, когда я в точности знала, что мне предстоит сделать, никакой тревоги не было.

Мы шли уже больше двух часов слепым полетом, когда самолет вдруг пошел на снижение.

На высоте две тысячи метров Петя обернулся и махнул рукой.

Надя выкарабкалась на крыло.

Снова Петя махнул рукой, и моя подруженька скользнула вниз, в темноту.

Опять набрали высоту.

И снова Петя обернулся и махнул рукой.

Очередь была за мной.

Я вышла на крыло.

Под ногами — черным-черно. И только около распределительной доски светилась лампочка, а сверху сияли большие чистые звезды.

Хорошо, что сегодня нет луны.

Мне было видно только крыло и кусок фюзеляжа. Быстрый воздух, несущийся навстречу, освежал лицо. Рука сжимала кольцо.

Снова летчик взмахнул рукой, и я прыгнула.

— Раз, два, три, четыре...

— Надо сделать небольшую затяжку. Камнем вниз, чтобы приземлиться у дороги... И чтобы с земли вдруг не заметили. «Восемь, девять, десять»...

До пятнадцати я не досчитала. Меня начало укладывать на спину, — и тогда я дернула за кольцо, на счете двенадцать.

Ну, дальше все как и при учебных прыжках! Через секунды две — толчок, точно остановка трамвая неумелым вагоновожатым, и купол парашюта распахнулся над головой. Я его не видела, но всем своим телом чувствовала, что он там, надо мной. И от этого было так хорошо, что я громко запела.

Потом помахала вверх рукой, но, конечно, меня с самолета уже не видели.

Села я на какие-то низкие и, к счастью, неколючие кусты. Но все-таки села очень точно.

Железнодорожная насыпь темнела шагах а пятидесяти от меня. Молодец Петя! Я помахала им вверх рукой еще раз. Так, для удовольствия, потому что я даже не знала, в какой они стороне.

Небо было облачное.

Внизу было тихо и сыровато от росы.

Я отцепила парашют, аккуратненько сложила его и спрятала под куст. Надо было заметить место, но вокруг рос мелкий кустарник, частый и однообразный, — ориентироваться было очень трудно.

Раздвигая кусты, я пошла прямо к полотну. По дороге вспугнула какую-то незнакомую птицу. Птенцы бестолково пищали в своем гнездышке. Прошла шагов сто и оглянулась на то место, где, по моему мнению, должен был находиться Амбур. Там, над самой землей, было немного светлее и на небе стояло какое-то бледное зарево. Мне показалось, что я даже вижу языки пламени.

Надо было действовать. Я распечатала сверток и уже готовилась положить на стыке рельсов патрон, как вдруг по рельсам застучали колеса. С громким воплем неслась по пути автодрезина.

Я отскочила в сторону и легла на землю.

Автодрезина пронеслась мимо меня. Она летела к городу и была полна вооруженными полицейскими. Они горланили свою гнусную песню. Так я в первый раз в жизни увидела вблизи, хотя и мельком, живых фашистов.

«Ладно, это последние полицейские проехали в город по этой дороге», — подумала я и решила продолжать работу.

Но когда я встала, чтобы подойти снова к рельсам, я почувствовала в ноге такую жестокую боль, что у меня помутилось в глазах. Я, оказывается, подвернула ногу у щиколотки.

Это, конечно, смешно: прыгнуть с двухкилометровой высоты и остаться невредимой, а отскочив всего на несколько шагов, вывихнуть ногу.

Больно было пошевелить ногой. Почти только на руках я подтянулась к полотну и заложила первый патрон.

«Сейчас нога распухнет и будет еще труднее, надо действовать скорее»...

И я поскакала со шпалы на шпалу на одной ноге, как мальчишки, когда играют в петушиный бой.

Метров через двести я заложила второй патрон и затем сошла с полотна и стала уходить по тропинке, которая должна была вывести меня на дорогу.

Конечно, я и не думала, что сумею добраться до придорожной гостиницы. Но ступая только на косок левой ноги и на всю ступню здоровой, можно было кое-как передвигаться. Тропинка скоро пошла по берегу реки.

Ах, если бы достать лодку!

Пожалуй, это было моим самым сильным желанием в эту ночь.

Но лодки не было.

Уже вблизи большой дороги я сняла комбинезон, бросила его в речку, надела шелковые чулки, туфли на высоких каблуках и нарядное платье. Странно, но в туфле нога болела немного меньше, или я уже привыкла к боли.

Так, ковыляя, я шла по дороге в темноте около часа, пока меня не догнал какой-то грузовик.

Я не успела сойти с дороги и попала в свет его фар, поэтому теперь лучше всего было уже не стараться скрыться, чтобы не вызвать подозрений.

Я подняла руку, шофер остановил автомобиль. Это была машина какого-то универсама, шедшая порожняком,

— Довезите меня только до гостиницы, — сказала я шоферу.
— Я вам заплачу!

Он окинул меня подозрительным взглядом.

— Это такое несчастье, — сказала я, — что трудно даже поверить. Эти мужчины — такие обманщики... Кто бы мог

подумать, что и этот будет, как все! И вдобавок ко всему я еще повернула ногу.

Мне нужно было плакать, но глаза были сухи. Впрочем, в темноте шофер не заметил этого и помог мне взобраться в кабину.

— Я довезу вас до гостиницы, — сказал он и потом добавил: — Госпожа, вам известно, что сегодня началась война?

Я всплеснула руками:

— Боже мой, неужели они осмелились напасть на нас? Нет, я не знала! Ведь мы сегодня с ним кутили целую ночь... Но наши солдаты их уничтожат.

Мы снова помолчали.

Трудно передать, как я волновалась и в то же время была совершенно спокойна.

— В Амбуре волнения! — сказал шофер, и я почувствовала в его голосе нотки сочувствия.

— Это безобразие! В такую минуту! — опять всплеснула я руками. Шофер замолчал и молчал почти до самой гостиницы.

У гостиницы шофер меня ссадил и помог добраться до дверей, затем вскочил в кабину и погнал машину дальше.

Служитель помог мне добраться до номера.

— Для прописки я дам завтра документ. Утром приедет за мной муж.

Служитель понимающе гнусенько улыбнулся и взял на чай.

Оставшись в номере одна, я легла на кровать, но заснуть не могла.

Уже начинался рассвет.

Утром мне надо было уходить из гостиницы, а как это сделать незаметно, да еще с распухшей ногой? Петька, конечно, нашел бы выход!..

Пока я так раздумывала, послышался отдаленный рокот моторов.

«Наверно, на высоту 19 — забрать нас, а я дура здесь застряла», — разозлилась я на свою ногу.

Перед высотой 19 было большое поле. Я это прочла еще по карте. Я подобралась к окну, распахнула его.

По небу шли наши самолеты, не один, а много и разные.

— Ну, а остальное вы знаете сами.

Михаил Рудерман

ВИНО И ЯД

Враг обманывал и хитрил. Ни одна операция не была похожа на другую, и если сегодня бомбардировщики появлялись над расположением социалистической армии эскадрильями в восемьдесят — сто машин, то завтра это была редкая цепочка в пять — десять самолетов. Если сегодня они летели на высоте шести километров, то завтра они стлались по земле, чуть ли не задевая деревья. Если сегодня над окопами появлялись самолеты противника, раскрашенные в ярко-зелёный цвет, то на другой день они были черными, как воронье крыло.

На земле также были предприняты попытки задержать удар социалистической армии. Танковые части противника упорно дрались на самых тяжелых участках фронта. Но все ухищрения отчаяния не спасли врага от разгрома. Силу огня и превосходную скорость машин ослабляло отсутствие взаимодействия и согласованности танковых колонн.

Это сразу понял командир танкового отряда, капитан Новосильцев, увидав, как вражеские танки убегают от подбитого соседа, не стараясь выручить его из беды. Не было в действиях противника спаянности, чувства товарищества. И это решило судьбу сражения.

Уже к полудню танкисты Новосильцева подбили командирский танк противника и еще один танк с большим черным крестом на башне. Часть Новосильцева заняла деревню Н. Танкисты наслаждались коротким отдыхом, готовые каждую секунду дать машинам ход. Новосильцев стоял у захваченных танков.

Из второго танка выглянул улыбающийся помощник Новосильцева — лейтенант Козельский и поманил к себе капитана.

— Новосильцев, — кричал он, — погляди-ка, что здесь такое! Сплошная фантастика! Походная церковь, химическая и фотолаборатория одновременно. Сроду не видел такой машины.

Новосильцев влез в танк, и его глазам открылось странное и непривычное в боевой обстановке зрелище. Рядом с пулеметными лентами в танке лежала вся необходимая для богослужения утварь: большая серебряная чаша, крест и молитвенник. В углу стоял фотоаппарат. В другом углу Новосильцев увидал два герметически закупоренных баллона в специальных гнездах.

— Да, это церковь, — оказал Новосильцев. — Очень интересная машина. Что-то в этом роде было в двадцатом году под Перекопом. Там тоже мы, захватив танк, иногда обнаруживали в нем походную церковь ин сумасшедшего от страха попа. Но что-то не помнится мне, чтобы тогдашние попы возили с собой вот такие баллоны.

— А вот и сам пастырь, — сказал Козельский, выходя из машины.

У танка, прямо на земле, сидел человек в военной форме, чисто выбритый, с очень худым и нервным лицом. Новосильцев велел отвести пленного в жилое помещение.

Капитан знал, кого он захватил в плен, и знакомство с пленным на допросе подтвердило его догадки. Это был фашистский священник, офицер политико-моральной службы, сотрудник разведки. Эго был универсально образованный человек, говоривший по-русски, как на своем родном языке. Цинично он рассказывал, как обрабатывал своих солдат для «поднятия их политико-морального уровня», как учил их

молитвам, гимнастике и действию ОВ. С таким же цинизмом он говорил о военном потенциале в христианском вероучении и о крестовом походе на Восток.

— По-моему, мы сейчас с вами беседуем довольно-таки далеко от Востока, — перебил его Новосильцев. — По-моему, мы находимся много западней того места, где вы предполагали быть.

Священник ничего не ответил.

— Кстати, — опросил его Новосильцев, — скажите, пожалуйста, для какой цели вам понадобились баллоны, обнаруженные в танке?

Священник молчал.

— Быть может, в этих баллонах находится вино, которым вероучители пользуются при причастии? Но для этой цели более пригодны простые деревянные бочонки, так как они гарантируют вино от окиси.

Священник молчал, и по его бегающим глазам капитан понял, что этот человек не расскажет сейчас всего.

Конвойный увел пленного в соседнюю комнату. Новосильцев решил немного отдохнуть, — колонна должна была выступить ночью. Не успел он задремать, как раздался стук в дверь. Дежурный ввел двух взволнованных местных жителей — старого крестьянина и белокурую девушку. По глазам этих людей капитан увидел, что их привело сюда отчаяние. Он предложил им сесть, но крестьяне стояли.

— Что вам надо? — спросил Новосильцев.

— Я пришел предупредить вас об опасности. За местечком находится мое поле. Сегодня днем я пошел посмотреть, что от него осталось. От моего поля не осталось ничего. Они сделали мое поле бесплодным! Я пришел туда и издали почувствовал какой-то горький запах, над моей землей...

В одно мгновение Новосильцев был на ногах.

— Запах! — он втянул в себя воздух.—Жжена резина. Дежурный! — крикнул Новосильцев.

В дверях появился дежурный.

— Немедленно отправить старика на обмывочный пункт! Сжечь его одежду! Дезинфицировать помещение! Ночевать будем у машин.

В несколько секунд все вышли на воздух. Старик, еще не почувствовавший действия газа, не понимал, что с ним хотят делать. Прижав руки к груди, девушка остановившимися глазами следила, как уводят ее отца. Танкисты выносили из дома самые необходимые вещи. На мотоциклах приехали дезинфекторы,

Девушка подошла к Новосильцеву.

— Он будет жив? — опросила она, заглядывая ему в глаза: — Мой отец будет жив?

— Да, я думаю все обойдется благополучно, — успокоил ее Новосильцев. — Возвращайся домой, милая!

Но девушка не уходила. Она подошла вплотную к капитану, на ее лице было выражение ужаса, горя и непонимания того, что происходит.

— Кто это сделал? — глухо сказала она,— Кто отравил наше поле? Кто изуродовал моего отца? Это сделал ты?

— Нет, — сказал Новосильцев — это сделал не я. Мы сами погибли бы на зараженном участке. Твой отец оказал нам неоценимую услугу. Он спас много жизней.

В это время конвойные повели священника.

— Это сделал он, — сказал Новосильцев девушке. — Это он полил ваши поля и сады ядом.

Девушка взглянула на пленного, и лицо ее исказилось.

— Это священник нашей деревни. — с трудом произнесла она. — И ты говоришь, что это сделал он?

— Пройдем со мной к танку, в котором мы захватили негодяя. Ты убедишься. Идем!

Они подошли к черному силуэту танка, и при свете фонаря, зажженного Новосильцевым, девушка увидела внутренность походной церкви. Черный крест заставил ее невольно поднять руку. Ока хотела сделать то, что делала всю жизнь при входе в святое место. В полумраке она видела только этот большой, похожий на древесный сук крест. Но свет фонаря перебежал на другие предметы, находившиеся рядом — обоймы, пулеметные ленты, автоматические револьверы и на два узких баллона.

Новосильцев еще раз осветил баллоны.

— Смотри! Вот что он готовил для вашей деревни! Это было бы последним богослужением для всей его паствы.

Бледное лицо крестьянки стало еще более белым, на этой бескровной, неподвижной маске горели только глаза, полные ненависти и злобы. Глаза, всю жизнь сиявшие светом покорности и всепрощения, сейчас были двумя недобрыми, испепеляющими огнями, взывавшими к мести.

Человек, который всегда говорил о добре и любви к ближнему, человек, которому она верила во всем, которому ее отец, отказывая себе в последнем куске, приносил дары на праздники, этот человек — убийца. В его церкви вино причастия и яд уничтожения...

И впервые за свою жизнь молодая крестьянка, увидав крест и чашу, подняла руку и опустила ее, не перекрестившись.

**МЫ ВОЮЕМ С ПАНСКИМ РОДОМ
А НЕ С ПОЛЬСКИМ ТРУДОВЫМ
НАРОДОМ!**

Лазарь Лагин

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

1

Посредине улицы шли четверо военных: три солдата и красноармеец. Двое солдат с винтовками — рядом с красноармейцем, третий с револьвером — позади. Красноармеец без фуражки, в шинели, накинутой на плечи, шагал, подчеркнуто подняв голову, как на параде.

Иногда, Впрочем, он с любопытством оглядывался по сторонам и раз даже, совершенно нечаянно, улыбнулся рژهей девушке, выглянувшей из окошка. Девушке это понравилось. Она машинально поправила прическу и тоже улыбнулась. Потом, вероятно, вспомнила, что кокетничать с пленным большевиком грех и, жестко поджав свои пухлые губки, скрылась в глубине квартиры.

Собственно говоря, красноармейцу было не до улыбок. После бесплодного двухдневного допроса в штабе полка его вели в штаб дивизии. Он знал, что и там ничего не скажет. И тогда его расстреляют. В N-ской части вычеркнут из списков и снимут с вещевого и пищевого довольствия младшего командира Антона Бородкина как пропавшего без вести. Сообщат родителям, жене, И так далее. Радости мало.

Был знойный воскресный день. Колокольный звон нагонял ленивую скуку на прифронтовую жизнь города. Бородкин вспомнил, что в последний раз он слышал колокольный звон очень давно, в детстве, лет пятнадцать назад. Потом он увидел ксендза, семенившего по дощатому тротуару, и вспомнил, что

рисовал ксендзов в ротной стенгазете неправильно. Они были одеты совсем не так, как он рисовал, а гораздо смешнее.

Легкий летний ветерок шевелил плакат на заборе. Три бородатых красноармейца с свирепыми лицами, искаженными дьявольской улыбкой, расстреливали на плакате кучу беззащитных женщин, детей и ксендзов. Ксендзы были нарисованы правильно.

Бородкин засунул руки в карманы брюк. Он это делал всегда, когда у него было неважное настроение и он не знал, что делать.

Дальше все произошло молниеносно и неожиданно.

2

Через несколько часов был вывешен приказ начальника гарнизона:

«Сегодня в 2 часа 45 минут пополудни бежал из-под стражи пленный красноармеец. Судя по некоторым данным, это чрезвычайно опасный для нашего отечества человек.

Объявляем для всеобщего сведения его приметы: рост средний, глаза серые, волосы тёмно-русые, на лбу свежий шрам от удара прикладом, полученный им при бегстве. Возраст 23—24 года. Лица, доставившие вышеуказанного пленного, получают награду. За укрывательство — расстрел.

Начальник гарнизона
генерал Морауэр».

В сущности все произошло до чрезвычайности просто. Засунув руки в карманы, Бородкин нащупал в них остатки табаку. Сначала он пожалел, что у него отобрали при обыске курительную бумагу. Было бы недурно закурить. Потом неожиданно пришло решение — отчаянное, но не безнадёжное. Набрав в обе руки табачной крошки, он быстро приподнял плечи и сбросил свою шинель на голову шедшего позади конвоира. В ту же самую ничтожную долю минуты он метнул обе горсти табачной едкой пыли в глаза остальных двух солдат и бросился в первые открытые ворота.

Он попал во двор пустынный и переполненный знойной пылью. Прямо против него цвела ядовитая зелень огромной лужи. Бежать через нее было бы делом бессмысленным.

Он свернул направо, обогнул дом и сквозь щель в заборе проник в соседний двор.

Как раз в это время он услышал звуки первых выстрелов. Потом совсем близко раздалось учащенное дыхание преследовавших его солдат. Когда он выбегал через калитку на улицу (не было где спрятаться и на этом дворе), один из солдат размахнулся и ударил его прикладом по голове. Но не рассчитал. Оставив рваную рану на лбу Бородкина, приклад с силой ударился о калитку, раздался треск сломавшейся винтовки.

Почти не чувствуя боли, Антон выскочил из калитки на, улицу, быстро пересек ее и вбежал во двор, весь завешанный бельем. Когда кончилось это море рваного и латаного белья, Бородкин увидел огороды и невысокий берег пустынной речки. Вдоль самого берега шли небогатые обывательские сады, тонувшие в кустах смородины и крыжовника.

Не раздумывая, Бородкин бросился направо и ныряя в кустах, безжалостно царапавших его лицо и руки, пробежал добрых полкилометра и залег в кустах. Во-первых, потому, что он дьявольски устал. Во-вторых, его, кажется, заметил старик, одиноко удивший рыбу на полу-заполненной водой лодченке. Еле ощутимая прохлада в кустах крыжовника не в силах была сопротивляться душному июльскому зною. Бородкин лег, скорчившись, и ему показалось, что никакая сила не заставит его сейчас сдвинуться с места. Незаметно для себя он впал в состояние лихорадочной дремоты. Большие сытые мухи лениво жужжали над его головой. Голубые стрекозы проносились над ним стремительно и изящно, как истребители. Еще совсем зеленые яблоки раскачивались невдалеке, напоминая ему, что уже скоро сутки, как он ничего не ел. Если бы не погоня и не отдаленный гул артиллерийской канонады, можно было бы подумать, что он находится в доброй тысяче километров отсюда, где-нибудь в Серебряном бору в выходной день.

— Эй, рыболов! — услышал вдруг Бородкин чьи-то голоса и топот нескольких пар ног. Он чуть-чуть приподнялся и увидел своих конвоиров в сопровождении коренастого мужчины лет сорока пяти, одетого по-воскресному, но не успевшего, очевидно, в спешке, натянуть на себя пиджак, он так и бежал в жилетке. В руках у него была большая суковатая трость.

— Эй ты, старикан, не видал ли тут беглого большевика?

Старик не спеша повернул голову к спрашивающим и пожал плечами.

— Пан Станислав, — сказал запыхавшись штатский в жилетке, — вы не видели тут этого распроклятого большевика?

— Видать не видел, — медленно ответил рыболов и не спеша начал сворачивать себе сигарку, — но слышать его слышал. Он побежал вон в ту сторону, — и рыболов показал в

сторону прямо противоположную той, в которой укрылся Бородкин.

Минут через пять пан Станислав вылез из лодки, обнаружив при этом огромную заплату на своих выцветших штанах, свернул удочку, вытащил из воды нанизанных на бечевку десятка полтора мелких рыбешек и, пыхтя цыгаркой, пошел куда-то в глубь сада.

4

Хотя Бородкин и не имел возможности ознакомиться с приказом начальника гарнизона, он все же понимал, что оставаться здесь, в кустах, было опасно. В такой зной надо было каждую минуту ожидать появления купальщиков. Он пополз под кустами вдоль берега. Потом, заметив мальчишек, раздевавшихся на берегу и о чем-то возбужденно толковавших — вполне возможно о нем, — он пополз по направлению, перпендикулярному к берегу. На своем пути, около небольшой лужайки, он нашел запрятанный в укромном местечке полный самодельный набор для игры в городки и, выбрав себе палку потяжелее, пополз дальше. Наконец, он добрался до вонючих грязных сараев, надеясь отсидеться здесь до наступления темноты. Но только Бородкин расположился поудобнее в тени сарая, как раздались чьи-то голоса, приближавшиеся к нему. Делать было нечего. Тихо чертыхнувшись, он выскользнул из-за сарая и, так как голоса раздавались уже совсем близко, он нырнул в темноту одного из домишек и без особого труда, через открытый люк, взобрался наверх и спрятался в горячей чердачной пыли.

День тянулся томительно долго, и Бородкин успел несколько раз тревожно вздремнуть, прежде чем, наконец, наступила долгожданная ночь. Осторожно, на четвереньках, он прополз к

люку, держа в зубах свое единственное оружие — городошную палку, — уперся ногами в шкафчик, стоявший около люка, потом ухватился руками за вершину шкафа и опустился на пол. Облегченно вздохнув, Бородин потянулся за оставленной на шкафу палкой, но не рассчитал, и она, глухо шлепнув, упала на сырой земляной пол. Проклиная свою неосторожность, Антон нагнулся, чтобы поднять палку, но тут же разогнулся и почувствовал, что пропал. В дверях, на фоне освещенной комнаты виднелся чей-то силуэт. Несколько мгновений, показавшихся Бородину часами, силуэт молчал. Потом старческий голос тихо сказал:

— Здравствуйте, господин большевик.

— Здравствуйте, пан Станислав, — сказал упавшим голосом Бородин.

Это был давешний рыболов.

Старик еще некоторое время молча смотрел на Бородина, как бы в нерешительности. Бородин попытался нырнуть во двор, но старик схватил его за шиворот и по-прежнему тихо произнес:

— Чудак-человек, господин большевик. Вас же там немедленно поймают.

5

Два дня пан Станислав продержал Антова на чердаке, щедро снабжая его хлебом, водой и невероятно горьким луком. На третий вечер его голова появилась в отверстии люка и он шепотом позвал Антона вниз. В комнате сидели старуха — жена Станислава и два молодых человека, из которых один был солдатом.

— Вам нечего беспокоиться, — сказал старик, еще раз проверив, плотно ли завешаны окна и повернув ключ а дверном

замке,— это мои жена, этот солдатик — мой сын Феликс, а вот этот, — указал он на штатского, — тоже столяр, Я столяр и он тоже столяр. Одним словом, он вполне порядочный человек.

Впервые за четверо суток Антон увидел горячую пищу: отварную картошку и суп.

— Вы не встречали случайно на фронте моего второго сына? Он солдат и его тоже зовут Антоном, — спросила старуха, но, заметив ироническую улыбку своего мужа, глубоко вздохнула и принялась разогревать чайник.

— Если хотите, — начал старик, когда Бородкин молниеносно одолел миску с картошкой и две тарелки супа,— если хотите, мы вас как-нибудь спровадим к вашим. Быть совершенно одному во вражеском лагере — очень неприятная штука, и мы вам, пан Антон, от души сочувствуем.

Бородкин хотел сказать старику, что он не один, что насколько он понимает — старик и все остальные в этой комнате его друзья, но как человек несентиментальный промолчал.

— Вам нужно спешить, — продолжал старик. — Феликс сказал, что к утру ожидается много танков и наверно разгорится такая баталия, что вам перебраться не удастся. У пана Лемко есть сынок, который поможет вам перебраться к вашим.

Бородкин, не отвечая ничего, шарил в это время в карманах, своих брюк и гимнастерки. Потом вспомнил, что карманы у него очистили как только взяли в плен, и переспросил:

— Так-с. Значит, у товарища Лемко подходящий сынок. Так-с. Гм! Так. А карандашик у кого-нибудь есть? И клочок бумаги? Так-с. Значит, сколько вы говорите прибывает завтра танков? Так-с.

Он аккуратно записал сообщение Феликса, перечитал его, вспомнил о чем-то, чертыхнулся и порвал записку на мелкие куски.

— Товарищ Лемко, — обратился он к столяру, молчаливо сидевшему в уголке, — как вы относитесь к тому, чтобы ваш сынок перешел фронт без меня? Через пару деньков он вернется сюда с нашими войсками. Большое спасибо, товарищ Лемко. Если вам не трудно, сбегайте за ним.

Ранним утром тринадцатилетний сынишка столяра заучил наизусть адрес и содержание донесения и, беззаботно насвистывая, вышел из дома пана Станислава. Он шел собирать землянику. Лес находился у самого фронта...

Три часа продолжалась тихая беседа за завешенными окнами.

Город готовился к эвакуации и это очень не нравилось новым друзьям Бородинки. Феликс-солдат, сын пана Станислава, должен был уезжать вместе со своей командой, охранявшей вокзал, с тем, чтобы никогда, может быть, не увидаться со своими родителями.

— С меня хватит одного пропавшего сына, — сказал, грустно усмехаясь, старик. — Я одного уже потерял, я постарел на работе и ничего у меня в доме не прибавилось, кроме разве заплат на штанах.

Кроме того и ему, столяру Лемко, и всем их товарищам по заводу было известно, что существует такой строй, при котором рабочие работают на собственных фабриках, отобранных у хозяев. Кроме того перед отступлением командование предполагало увезти оборудование всех городских предприятий, и это сразу оставляло без куса хлеба добрых десять тысяч человек.

— Мы бы давно предприняли что-нибудь сами, — сказал молчаливый Лемко, — но всех наших самых боевых ребят поарестовали, а многих уже контрразведка успела расстрелять.

Разговор затянулся почти до самого утра. За это время два раза уходили и приходили с новыми людьми Лемко и Феликс. Пришли четверо товарищей сына — тоже солдаты.

Было уже совсем светло, когда все разошлись, а Антон Бородин, пропавший без вести младший командир отдельной Н-ской части Рабоче-крестьянской Красной армии, забился снова к себе на чердак с тем, чтобы соснуть до вечера.

6

Днем Бородин разбудил рокот нескольких десятков самолетов, пулеметная стрельба и близкий оружейный грохот. Он выглянул через щель в крыше и увидел безоблачное голубое небо, усеянное белоснежными хлопьями. Разорвавшихся снарядов, а в отдалении самолеты. Часто задрожала земля. Повидимому, самолеты бомбили железнодорожную станцию, где разгружались эшелоны с танками. Значит мальчишка добрался до красноармейских частей во-время.

Бородин довольно улыбнулся и снова уснул.

В эту ночь и в ночь, последовавшую за нею, на окраинных улицах города было обнаружено около полутора десятков трупов офицеров. Документов при трупах обнаружено не было. Убийцы остались неизвестными. Обыски среди штатского населения города не дали никаких результатов. Решили, что действуют партизаны из окружающих сел.

Одновременно с этим сообщением начальник гарнизона был поставлен в известность командирами частей, что двадцать девять чинов и унтер-офицеров пропали без вести. Было уже не до розысков пропавших. Красная армия была на подступах к городу.

Феликс привел к Бородину еще двух солдат. Один из них был из охраны штаба дивизии, другой — младший писарь штаба.

— Они не собираются больше возвращаться в штаб, — улыбался Феликс

— Чепуха! — ответит Бородин. — Вы обязаны оставаться в штабе до самой последней минуты. Я вам скажу, когда можно будет уходить.

К вечеру части начали откатываться с фронта. Через город поплыла серо-голубая масса отступающих. С грохотом и лязгом неслись танки, грузовики, броневые машины с огромными свастиками на передках, полевые кухни, дребезжа и расплескивая уже готовый ужин, метались по обочинам дорог. Когда стало очень тесно, кашевары распрягли лошадей и, нелепо трюхая верхом, оставили стынуть супы, жидкий кофе с сахарином и дурно пахнущую кашу.

Через час раздалась истерическая пулеметная дробь, забухали легкие орудия, затрещали частые ружейные выстрелы. Это стреляли отборные фашистские части, чтобы приостановить паническое отступление. Осатаневшие офицеры с револьверами в руках неслись верхом вдоль беспорядочной каши тел, машин и орудий, лихорадочно восстанавливая расползавшиеся подразделения.

Генерал Морауэр из люка броневика произнес речь. Он призывал солдат и офицеров не позорить знамен своих полков. Он сказал, что стыдно отступать перед варварами-большевиками. Он сказал еще что-то, что было заглушено разрывом десятков

гранат. Вспыхнули и, тихо потрескивая во внезапно наступившей тишине, загорелись десятки домов, в которых, по разъяснению генерала, засели большевики.

Затем, по распоряжению командования, две роты солдат рассыпались по окружающим дворам и расстреляли всех обнаруженных в них мужчин старше двенадцати лет.

Остальные солдаты, нехотя и медленно, строились и, подпираемые сзади стальным конвоем броневигов и танков, медленно поплелись обратно к фронту.

9

— Вот теперь, — сказал Бородин Феликсу и Лемко, — надо начать действовать по-настоящему. — Где там наши штабные друзья? — обратился он к Феликсу. — Возьми еще человек пять твоих дезертиров и болтайся вместе с ними около штаба. Там сейчас, надо полагать, такая толчея, что уже перестали разбирать, кто свой, кто не свой. А мы вместе с Лемко двинем пока что к железнодорожникам.

Бородин был одет в потрепанную спецовку. Он оброс рыжей щетиной и густой слой мельчайшей чердачной пыли глубоко впитался в поры его лица и рук.

Чертыхаясь и усиленно работая локтями, они пробрались сквозь густые полчища солдат, потом через огороды напрямик помчались к железнодорожному депо.

Они не прошли еще и полдороги, как услышали приближающийся гул мощных моторов.

Еще через минуту еле заметные точки на горизонте превратились в эскадрилью самолетов. У Бородина радостно ёкнуло сердце. На их крыльях адели огромные пятиконечные звезды.

— А ну-ка, приляжем, старина! — сказал он Лемко. — Мне кажется, ты сейчас увидишь интересную штуку.

Они еще не успели лечь, как к рокоту моторов примешалась частая пулеметная стрельба и звуки беспорядочных выстрелов. Потом совсем близко содрогнулась земля: это самолеты «брили» смешавшиеся и ринувшиеся в бегство части.

— Вот сейчас, — сказал Бородин, — весь вопрос в том, кто скорее добежит до вокзала: они ли по улице или мы через огороды.

Запыхавшись, они ворвались, наконец, в одинокую железнодорожную будку.

— А ну, работай живо! — крикнул Лемко молодому стрелочнику, и тот немедленно исчез в вечернем сумраке. Через несколько минут стрелочник пробежал мимо с четырьмя солдатами, побывавшими уже несколько раз в гостях у Бородина. Они промчались по направлению к железнодорожному мосту. Минут пять длилось тяжелое молчание в будке, потом раздался очень громкий и близкий гул взрыва, и на станции наступила невероятная паника. Мост был взорван. Путь к отступлению по железной дороге был отрезан.

Вскоре в будку вернулся стрелочник с солдатами.

Стрелочник сказал:

— Все готово. Часового пришлось убрать.

Бородин сказал: «Ладно», и они снова побежали огородами наперерез штабу. Они пробежали через никем не охраняемый вестибюль, мимо наспех разворошенных столов, мимо стен, увешанных картами двухверстками. Они обежали все помещение сверху донизу, но не нашли в обоих его этажах ни одной живой души.

— Н-да. — сказал Бородкин и почесал себе огорченно затылок револьвером, который держал в руке. — Главную птичку как будто упустили.

— Товарищ Бородкин,— услышал он вдруг сзади себя громкий шёпот и, обернувшись, увидел Феликса в полурастерзанном обмундировании и с винтовкой в руках. — Товарищ Бородкин, вы нас наверное ищите, а мы тут.

— Всех захватили? — сполошился Бородкин.

— Всех не успели, — виновато пробормотал Феликс. — Слишком много народу болталось и штабе. Двоих все-таки успели задержать и обезоружить: начальника штаба и какого-то полковника. Мы спрятались вместе с ними в подвале на кухне. Кто догадался бы искать нас там.

— Ладно, — сказал Бородкин, — полезай пока что обратно в подвал. Скоро за вами придем. Наши уже в городе.

В это время на улице раздался тяжелый лязг. Танковый отряд с бешеной скоростью мчался по булыжной мостовой. На танках были красные звезды. За ними в отдалении виднелись наступающие красноармейские части.

— А ну, надевай красные повязки, — сказал Бородкин своим спутникам.

Прошло еще несколько минут, и в штаб ворвалось человек пятнадцать красноармейцев с бомбами в руках.

— Руки вверх!— закричали они и на всякий случай обезоружили Бородкина и его товарищей.

Потом в штаб вошли несколько командиров, и Антон Бородкин с поднятыми вверх руками спокойно сказал:

— Товарищ полковник! Товарищ командир!

Полковник подошел поближе, и тогда Бородкин одну руку опустил по шву, а другую поднял к замасленной кепке и молодцевато отчеканил:

— Разрешите доложить, товарищ полковник: отделенный командир третьей роты вверенного вам полка, Бородин Антон. Был взят в плен, но благополучно удрал. Разрешите вернуться в часть, товарищ полковник?

Полковник приложил руку к козырьку, повернулся к сопровождавшему его начальнику штаба и чуть дрогнувшим голосом произнес:

— Товарищ начальник штаба, составьте приказ о возвращении пропавшего без вести младшего отделенного командира Антона Бородина в состав третьей роты.

— Есть составить приказ! — ответил начальник штаба и в свою очередь приложил руку к козырьку.

Ефим Зозуля

ВОССТАНИЕ

Как-то сразу, в два-три дня накопилось много тревожных сведений. Стали по-иному выглядеть некоторые лица. Несомненно, что-то готовилось. Кто-то из самого центра предавал организацию. Берг спешил на завод. Но шел нарочито медленно, делая большие усилия, чтобы умерить шаг. На главной грязноватой улице рабочего поселка к нему подошел товарищ и под видом просьбы прикурить быстрым шёпотом сообщил, что на заводе жандармерия во главе с Кочубой. Жандармский полковник Кочуба был известен, как отъявленный палач. Он частенько посещал военизированный завод, арестовывал рабочих, но делал вид, что это отдельные случаи, а все вообще на заводе благополучно.

Было около пяти часов. Серый осенний день близился к концу. В небольшом сквере, среди желтой опавшей листвы, играли дети. На скамейках нежались две-три парочки. С обрыва видны были еще зеленые холмы на горизонте. За этими холмами, километрах в сорока, был фронт. Красные были расположены еще в девяти-десяти километрах.

Одно сведение было и радостное: наступление красных ожидалось со стороны западного шоссе и прилегающих проселочных дорог, но вряд ли белому штабу было известно, что серьезное скопление революционных войск происходило и на востоке. Красные хорошо использовали волнистый профиль местности и предрассветные туманы для переброски сил. Не

была исключена возможность, что они приблизятся с неожиданной стороны, обойдя правый фланг фашистов.

Главная улица рабочего поселка была довольно многолюдна. Как всегда, стояли длинные очереди у продовольственных лавок. Эти очереди были явно преувеличены, так как среди них, переходя от лавки к лавке, замаскированно дежурили и полицейские и революционные дозорные.

У одной из лавок стояла Ласточка. Под этой кличкой скрывалась одна из лучших работниц заводского ревкома. Берг, не глядя на нее, прошел мимо. Разумеется, и она сделала вид, что не знает его и не видит. Ее молодое, приятное, женственное лицо, в котором не каждый мог уловить выражение отчаянной смелости и глубокой решимости, было безоблачно спокойно. Берг огорчился: в некоторых других определенных местах, где должны были быть дозорные (в одном месте — еще один член ревкома) никого не было. В конце улицы стояли оставленные проходившими на фронт войсками несколько грузовиков мотомеханизированных частей с прожекторами.

Фронт явно приближался. Население рабочего поселка давно привыкло к орудийной канонаде, к бесконечным самолетам. Завод и в трех километрах от него находящаяся текстильная фабрика давно были военизированы.

До границы было около пятидесяти километров. Перевести завод и фабрику в глубь страны было трудно, и в этом не представлялось большой надобности. Фашистское командование не предполагало, что военные действия так быстро развернутся именно на этой границе.

Не очень крупный машиностроительный завод, принадлежащий среднему фабриканту, на котором теперь производилось оружие, высился пятиэтажным корпусом над прудом. Стены его, обращенные к границе, давно были

укреплены каменными перекрытиями. Широкий пруд являлся естественной преградой, которая усиливалась холмами.

Берг спешил в заводскую больничную кассу — единственное место, где могли общаться рабочие. Она занимала помещение на пятом этаже. Окно выходило на пруд. Берг считался инвалидом и ведал рабочей кассой. В помещении этой кассы был центр подготовки к восстанию.

Чтобы пройти в помещение кассы, нельзя было миновать цехов. Бергу неизбежно предстояла встреча с жандармами. Выхода не было, и, сдерживая раздражение и гнев (он был утомлен, простужен и потому особенно раздражителен), подавляя в себе ярость, с которой в последние дни ему все труднее было совладать,— Берг подошел к калитке заводского двора.

У калитки стоял Боб, старший сын Берга. Увидев отца, он несколько смутился. Берг нахмурился.

— Что ты тут делаешь?

Боб был семейным несчастьем старого революционера. Слишком рослый для своих шестнадцати лет, красивый, несомненно порочный, юноша был, как иногда казалось отцу, неисправим. Он уже давно без спроса ездил в город, где проводил время в кабаках, не стеснялся иногда возвращаться в поселок и пьяным.

— Что ты тут околачиваешься? — спросил Берг.

В самом деле: на заводе жандармы. Во дворе и у ворот усиленная военная охрана. Проезд перед заводом пуст. Что тут делать бездельнику Бобу?

Острая боль прошла в сердце Берга. Уж не совратили ли его мальчика жандармские бандиты? Новенький галстук, этот низкопробный намащенный клочок волос, свисающий на лоб, руки в карманах. Неужели это его сын?

— Что ты тут делаешь?

Дальнейшие расспросы были бесцельны. Боб не скажет, для чего он тут стоит. Это было ясно. Правда, отец знал каждый шаг плохого сына. Мальчишка ждал здесь свою девушку из штамповочного цеха. Странную девушку, которая была старше Боба. Ей было девятнадцать лет, но она с непонятным женским благодушием не стеснялась состоять в подругах шестнадцатилетнего подростка.

— Уходи отсюда сейчас же!

Боб медленно направился к поселку.

Берг предъявил пропуск, прошел через замасленный, покрытый угольной пылью и ржавым железным хламом двор и поднялся по закопченной железной лестнице в цеха.

На заводе был переполох. Рабочие в течение полугодия успели привыкнуть к хозяйничанью на заводе жандармерии и контрразведки. Полковник Кочуба арестовал немало товарищей. Но в последнее время аресты усилились. Сегодня же было особенно тревожно на заводе. Цеха кишели шпиками и фашистскими гвардейцами. Только за последний месяц было больше тридцати жертв. Расстреливали за малейшее. Кочуба отрицал полурепрессии.

— Надо обижать так, чтобы обиженный не мог обидеться, — говорил он.

Это был его излюбленный афоризм. Под этим он понимал расстрел.

Попивая после арестов ликер в кабинете владельца завода, он, цинично усмехаясь, говорил, что этот афоризм принадлежит Макиавелли.

Сегодня аресты производились особенно цинично и нагло.

Бергу удалось пройти через сборочный цех, минуя Кочубу. Кочуба, оказывается, успел уже побывать в цехах и, как обычно, после трудов отдыхал в кабинете владельца завода.

В цеху еще оставалось достаточное количество полицейских, жандармов и шпиков.

Нужно было поскорее пройти наверх. Берг спешил, но все же ему шепнули, что арестованы и уведены четверо, а двоих Кочуба допрашивает сейчас в кабинете.

Среди четверых был Кроль. Берг почувствовал сильное сердцебиение. Подогнулись ноги. Как узнали про Кроля?

Кроль с другими товарищами только на-днях зарыл на берегу пруда сотню винтовок, спуская их по одной через водосточную трубу с третьего этажа, из приемочного зала. Операция удалась блестяще. Винтовки, одна за другой, бесшумно спускались по трубе в узкую яму, приготовленную заранее. Часовым в это время был член партии. Винтовки находились в яме в вертикальном положении, сверху прикрывались фанерой и поверх ее засыпались землей. В плане восстания было предусмотрено, какая именно группа бойцов в течение нескольких минут вооружится ими. Кроль был одним из тройки, производившей эту операцию. Неужели он раскрыт? Вряд ли он взят случайно. Хватит ли у него силы мужественно вынести избиения и пытки?

Надо немедленно что-то предпринять. Но так или иначе, перенести винтовки в другое место сейчас нельзя.

В помещении больничной кассы, как обычно, сидели рабочие, нуждающиеся в лечении. Скверные условия охраны труда каждый день калечили немало людей. Калечение рук, ожоги были обычным явлением на заводе, особенно с тех пор, как он был военизирован и стал производить оружие. Спешка, террор и обилие переодетых полицейских, сменивших многих арестованных и бежавших с завода рабочих, вносили большое количество производственных неполадок.

Среди посетителей кассы Берг увидел несколько товарищей из боевого актива. Один из них под видом бюллетеня подал Бергу записку. В ней излагалось постановление центрального и областного комитетов коммунистической партии о том, что восстание должно быть совершено не позже, чем через десять дней. Укороченный срок вызван новыми обстоятельствами. Должны быть в одну ночь изгнаны жандармы, перебита наиболее реакционная часть администрации, обезоружены военная охрана завода, полиция и — в течение суток — должен быть установлен твердый революционный порядок на заводе и в поселке.

В другом «бюллетене», поданном женщиной-работницей, было сказано, что текстильная фабрика, находящаяся в трех километрах от завода, готово к восстанию. В любой момент может быть выставлен отряд из восьмисот человек, мужчин и женщин. В числе последних — пятьдесят санитарок и пять врачей, Берг быстро спрятал «бюллетени» и предложил всем товарищам зайти послезавтра.

Один из посетителей, выражавший плохо скрываемое любопытство, показался Бергу подозрительным. Берг сразу не мог вспомнить, где он видел его лицо. Но вспомнил — это был охранник, слишком наглый и легкомысленный, чтобы уметь работать скрытно. Однако, какая наглость! Как он решился прийти сюда? Он прохаживался по комнате, как хозяин, и довольно недвусмысленно посматривал на ящик письменного стола. Повидимому, открытая борьба приближалась. Слишком уж нагло держат себя бандиты! Надо было действовать решительно.

Берг встал и открыл окно. Это было условным знаком. Из соседней комнаты, где находилась упаковочная, вошли трое товарищей из боевой рабочей охраны.

— Сегодня прием кончен, — сказал Берг.

Рабочих оставалось пять человек. Трое из них — участники готовящегося восстания — поняли, что надо уйти поскорее и, уходя, нарочито выражали «недовольство» тем, что их, «больных», откладывают та послезавтра. К их «ропоту» охотно присоединились последние двое. Эти, негодовавшие искренне, но увлекаемые тремя, тоже ушли.

В комнате остались Берг, охранник и трое бойцов. По знаку Берга, они бросились к охраннику, никак не ожидавшему столь решительных действий. Он не успел оказать сопротивления.

— Общайте его!

Он был обыскан, у него были отняты заряженный револьвер, кастет и финский нож. Бандита связали и посадили в угол. Ему было предложено сидеть спокойно и сказано, что, если это условие выполнено не будет, он полетит из окна прямехонько в пруд.

Стемнело. Наступил темный осенний вечер. Берг позвонил по телефону. Он сказал «да» и вышел из комнаты. Уходя, он предложил бойцам не зажигать света, закрыть дверь изнутри на ключ и ждать его звонка.

На середине лестничного пролета Берг задержался, — здесь должна была быть встреча с Кином, с одним из ревкомовской пятерки. Он ждал две минуты и мысленно ожесточенно ругался. Две минуты показались бесконечными.

— Что за безобразие! В такие дни надо быть точным.

Наконец. Кин вышел из сборочного цеха.

— Что Кроль? опросил Берг.

— Плохо. Виктор дал задание отбить его по дороге в комендатуру, по вряд ли это удастся. Охрана большая.

— Как первый отряд?

— Молодцы. Кроль успел под каким-то предлогом задержать сдачу еще шестисот винтовок, они остались на складе.

Затем он приготовил двадцать ключей. Ключи у командиров второго отряда. Молодец Кроль! Но вот беда, двое напились, пели перед лавкой, подрались с каким-то типом и кричали, что скоро будет восстание, С трудом их увели. Протрезвившись, они плакали и просили не исключать их из отряда. Один грозил самоубийством. Я приказал не исключать их, но изолировать и не вооружать.

— А это не провокация?

— Вряд ли. Парни хорошие.

Ревкомовская пятерка должна была общаться на-ходу. Заседаний не было. С цеховыми комитетами совещались тоже на-ходу. Протоколы не велись. Только важнейшие постановления партии излагались и зашифрованным виде. Подлинные документы мог видеть кто-либо один из пятерки. К восстанию завод готовился три месяца,

На площадка второго этажа Берг должен был встретить Ласточку. Ее не было. Что же могло задержать ее в дозоре у лавки? Это опять сильно встревожило Берга. Несомненно, происходило что-то неладное. Ласточка ведала гаражом. В ночь восстания из пятидесяти грузовиков должны были быть мобилизованы все, а для этой цели двадцать шоферов должны были быть разогнаны и арестованы вторым отрядом. Ласточка не пришла несмотря ни то, что была аккуратнее всех. Не задержали ли ее в гараже?

Берг вышел на улицу. У наружной калитки, вернее в ста шагах от нее, должен был находиться и курить папиросу Толстяк (кличка четвертого члена ревкома). Курение должно было означать, что расстреляны три предателя, предавшие Кочубе почти весь центр первого отряда, лишив его лучших организаторов и командиров. Это были: бывший социал-демократ Ней, пробравшийся в коммунистическую партию Ворт

и беспартийный Коневич. Их разоблачила Ласточка, а рабочий революционный трибунал должен был еще вчера ночью судить их за оврагом, где предатели находились под арестом в железнодорожной будке.

Огорченный отсутствием Ласточки, Берг, волнуясь, вышел с заводского двора, чтобы увидеть курящего Толстяка, но почувствовал, что и Толстяка на условленном месте не окажется.

Толстяка, действительно, не было.

Берг не знал, по каким причинам отсутствуют Ласточка и Толстяк, но сердцем чуял, что причины эти разные.

Недалеко от того места, где должен был быть Толстяк, как ни в чем не бывало, точно так же, как давеча, разгуливал Боб.

Берг почувствовал знакомую боль в груди, особую боль, смешанную с чем-то вроде удушья. Эту боль вызывало поведение сына.

Улица не была освещена. На мостовую ложились только отблески от широких освещенных окон завода.

На повороте показался автомобиль. Это был полицейский автомобиль, приехавший за Кочубой. Автомобиль остановился у заводской калитки. В машине находились два жандарма и одни в штатском.

Кроль и остальные арестованные, повидимому, до глубокой ночи будут находиться где-нибудь на заводе, как это обычно практиковалось, а ночью будут увезены. Жандармерия избегала часто возить арестованных через рабочий поселок.

Однако предпринял ли что-нибудь Виктор? Решил ли он отбить товарищей? Почему никто не следит за движением на улице, за передвижением Кочубы? Впрочем, вероятно, товарищи делают свое дело. Люди Виктора не подведут и ничего не прошляпят.

Боб, заметив отца, отошел в тень, но не ушел. Берг тоже отошел в сторону и следил за машиной Кочубы.

Через несколько минут Кочуба вышел в сопровождении сына владельца завода, фашиста, совершеннейшего мерзавца, всего только год назад щеголявшего либеральными и даже левыми фразами,

«Обидеть так, чтобы обиженный не мог обидеться», — вспомнил Берг изречение Кочубы.

«Пожалуй, это верно, — подумал Берг, — несомненно, мы тебя именно так и обидим».

Кочуба сел и машину. Хозяйский сын и несколько охранников из комендатуры, вышедшие провожать палача, вернулись на заводский двор. Машины странно медленно двинулась к поселку. Удивительно медленно!

«Где же Ласточка и Толстяк? — беспокоился Берг. — Где Боб? Что происходит с этим мальчиком? Неужели он все поджидает Анну?»

Надо было позвонить товарищам в помещение кассы. Теперь можно было вывести шпика через столовую,

В столовой на погребца потайной ход вел за угол заводского двора. Там в узких ямах вдоль стены и забора, тоже в вертикальном положении, находились винтовки, легко прикрытые сверху фанерой и слоем земли. Эта система, предложенная Ласточкой, гарантировала полный порядок, а главное, быстроту вооружения отрядов в час восстания.

В коридоре Берга встретил Кашек и молча кивнул ему,

Кандидат в члены ревкома Кашек ведал шоссе, ведущим от завода и город. Ему предстояла большая работа. Булыжное шоссе чинилось своими людьми, Камни должны были класться так, чтобы в любую минуту их легко можно было разобрать и сложить из них ряд полутораметровых баррикадных стен, Кроме

того, часть камней должна была быть готова для укрепления стен завода, обращенных к городу. Администрация укрепила только стену, обращенную к границе, Кашек же должен был позаботиться о всем фасаде противоположенной части завода и о крыше, которая должна была быть максимально защищена от снарядов и бомб с самолетов. Окна тоже должны были быть укреплены глухими железными ставнями и заранее просверленными бойницами для орудий. План захвата завода был разработан до мельчайших деталей,

«Где же Ласточка и Толстяк?» — беспокоился Берг.

У него было желание вернуться на завод, разыскать Кина и сообщить ему об их отсутствии, но он не привык теряться. Да и лишний раз возвращаться на завод было не целесообразно.

Он зашел в пропускное бюро и позвонил по телефону в помещение кассы,

— Я оставил ключ. Передайте его коменданту, сказал он, Это был сигнал о том, что можно увести арестованного шпика.

Выйдя из бюро пропусков, Берг опять вспомнил про Боба. «Ушел ли он? Для чего, все-таки, околачивается здесь парень?».

Во дворе слышались шаги и голоса. Уходила смена. Из калитки по одному, обыскиваемые сторожами, выходили рабочие и работницы. Знакомая картина. Мужчины в рабочих тужурках, в кепи, некоторые и утлых пальто, женщины большей частью в больших платках. В руках многие держали жестяные кружки. Эти кружки для воды, столь необходимые на пыльном и жарком заводе, рабочие неизменно носили с собой. Со многими товарищами Берг раскланивался. Многие особенно бодро и понимающе смотрели на него, не здороваясь. Восстания ожидали со дня на день, Оттягивать его дальше было уже опасно. Оно могло прорваться стихийно. Затем эта тревожность во всем в

последние дни, особенно меткие аресты, Несомненно, кто-то предавал организацию, и из самой ее сердцевины.

Берг обошел заводский забор. На крайнем углу, в одной из будок, в комнтке стояли две огромные постели. Они состояли из аккуратно сложенных больших мешков, на метр высоты от пола. «Постели» эти были аккуратно застланы одеялами и возглавлены подушками.

Эта сторожки была оперативным штабом Виктора.

— Отлично спать на этих постелях, — улыбнулся Виктор, когда Берг вошел и дружески поздоровался с ним.

Виктор, коммунист, член обкома, талантливейший организатор, неутомимый работник, обаятельный человек, всеми любимый и уважаемый, был основным нервом подготовки восстания. Не мало колеблющихся, не веривших в успех восстания, становились его активными и верными участниками после двух-трех встреч с Виктором. Самый его вид вселял уверенность в победе революции. Веселый, крепкий, остроумный, он увлекал за собою многих хмурых и недоверчивых.

— Отличные кровати, — повторил он, улыбаясь,

— Не долго тебе придется спать на них, без улыбки сказал Берг и с удовольствием, усталый, присел на одну из них.

Это были мешки, приготовленные для заполнения песком. Песок за стеной, между шоссе и парком, был взрыхлен. Его взрыхлял по ночам Виктор, — весь процесс приготовления блиндажей и окопов был рассчитан не больше чем на два-три часа.

— Сегодня ночью должны привезти шесть грузовиков консервов, — сказал Виктор, один из них идет открыто, по наряду, в пять с промежутками по полчаса, нелегально. Пришлось рискнуть, Первый сложим в столовой, а пять пойдут

по лавкам и домам. Иначе не успеем. Дело, несомненно, затянется. Может быть, ним придется держаться до прорыва фронта и месяц, и два, а то и дольше,

— Думаю, что это будет плохо, Успех в быстроте.

— Совершенно верно, — сказал Виктор, — но нужно рассчитывать на длительную борьбу,

— Я не очень большой военный специалист, но мне кажется, что любая современная военная борьба, несмотря на большую военную технику, авиацию, химию и так далее, все же становится позиционной. Молниеносные победы не часты. Фашисты рассчитывают на молниеносность, и их всегда бьют. Мы должны подготовиться к длительной обороне. Думаю, что не будешь возражать против трехмесячного запаса продовольствия ?

— Ну, конечно, нет. Это предусмотрено и планом.

Виктор улыбнулся и сказал:

— А я приготовил, в общем, на четыре — четыре с половиной месяца...

— Хорошо,— сказал Берг. — Ты молодчина, Виктор, — и вышел из будки.

О Викторе он не беспокоился — это был настоящий человек. Побольше бы таких!

На улице было пустынно. Рабочие прошли.

Боба тоже не было. Мысли о Бобе опять смутили Берга. Здесь, несомненно, вьется какой-то клубок. Боб знает о восстании. Несмотря на свою испорченность, он все же честный мальчик. Не может быть, немыслимо, чтобы он был замешан в грязных делах. Это было бы чудовищно. Но неужели он тут околачивается только ради девки? Чёрт ее разберет, нынешнюю молодежь!

В поселке было оживление. У лавочек и у калиток стояли группы. Говорили об арестах. Очевидно, смена разнесла свежую весть об аресте Кроля и других.

— Горе, горе нам! — голосила женщина с ребенком на руках. — Коммунисты затевают восстание! Мы будем перебиты в один час! Это сумасшествие!

Ей горячо возражали. Берг по дороге домой встречал и подсылал пропагандистов. Надо было срочно прекратить контрреволюционную агитацию.

Он спешил домой. Ласточка зайдет к нему, если не могла быть на заводе. Она с группой товарищей следила за Кочубой и его головорезами. От ее наблюдений зависит многое.

Берг ощущал на душе какую-то муть. При всей, своей революционной стойкости он иногда смущался от мелочей. Вот эта женщина с ребенком на руках, жена рабочего. Сколько средневековой, темной энергии в выпяченных губах, сколько трусости, шкурной боязни за нищенское свое существование в грязной конурке среди полуголодных детей... Но дело не в ней. Сколько их еще, рабов, которых надо будить, учить, просвещать... Огромная работа предстоит!

Или вот скверик. Кто эти парочки, которые не отлипают от скамеек? Тоже молодые рабочие и работницы. Ведь они знают о предстоящем восстании. Не могут не знать. Ведь сотни их товарищей — разных партий, но единого антифашистского фронта — состоят в отрядах, знают, где хранится оружие, они готовы по первому зову вооружиться и ринуться в бой. А эти?..

По улице проскакал всадник. Вдруг задержался, точно в раздумья, повернул лошадь и поскакал обратно, поднимая пыль. Куда это он? И кто он?

Из церкви вышла группа вооруженных фашистских гвардейцев. Они прошли по направлению к кинематографу. Кто

же остался в церкви? Знают ли об этом Виктор и другие, кому надлежит знать?

Что-то готовилось... Не будет ли эта ночь началом боя?

Вечер был теплый. С пруда несло приятной свежестью. Бергу хотелось побродить. Но было не до этого.

Недалеко от дома он встретил Боба. Боб явно шел к нему навстречу. В движениях сына было что-то ему несвойственное — серьезность, напряженность. Отца он поджидал на противоположной стороне от дома и поманил его рукой.

— Вот что, отец, — сказал он, — не иди домой. Дома у нас поджидает тебя Толстяк с тремя неизвестными. Один из них две-три минуты беседовал с Анной, когда она выходила с завода, а другой стоял за углом, когда проезжал Кочуба... Из машины Кочубы выскочил штатский и в течение полуминуты у них тоже был разговор...

Боб был очень взволнован. Бергу показалось, что шестнадцатилетний мальчик повзрослел в несколько минут. Он стал как-то выше, решительнее, иное выражение лица, как показалось отцу, появилось у него.

— Папа, — сказал он, и губы у него задрожали, — я знаю, что готовится восстание. Об этом говорят все. Я хочу, чтобы оно было победным. Я знаю, что оно будет таким, но я боюсь за тебя. Толстяк — шпион, и Анна (он нагнул голову и сурово молчал с полминуты)... и Анна... тоже. Какие люди!.. Она встречалась со мной... Она просила меня, чтобы я пригласил ее к нам, чтобы я рассказывал о тебе... Теперь я все понимаю... Почему она разговаривала с одним из тех, кто сидит с Толстяком?.. Я не пущу тебя домой,

Берг хотел обнять и крепко прижать к себе сына, но он не сделал этого. Невольно он обидел его. Он спросил:

— А не злишься ли ты на нее за то, что она, может быть, плохо относилась к тебе? Я видел тебя, когда ты, как дурак, поджидал ее. Может быть, ты по злобе?..

...Знакомый взгляд! Так смотрела мать Боба, когда Берг чем-либо обижал ее, когда ею овладевал гнев, когда возмущение делало ее немой. Боб тоже сначала ничего не сказал, но потом все же добавил:

— Нет... Она звала меня. Я удивлялся. Ведь она старше меня. Я стеснялся встречаться с ней, но она, она настаивала. Теперь я понимаю, для чего ей это нужно было. Какие люди!.. Я тебя не пущу домой. Уходи, отец. Пошли людей, а я встречу Анну. Ее тоже нужно взять.

Берг окольным путем, через овраг и берег пруда, вернулся к Виктору.

— Странные дела, — сказал он и передал сообщение сына.

Виктор был явно встревожен.

— Да, очень неладные. — Виктор помолчал несколько секунд и тихо сказал: — Ласточка убита. Как только ты ушел, мне об этом сообщил Зигмунд. Ее задушили, привязав к дереву тут недалеко, в парке. Она еще стоит с проволокой на шее, туго привинченная к дереву... Проклятые убийцы! Надо сегодня же начать, Берг.

— А теперь, — сказал Берг, — они хотят то же самое сделать со мной. Толстяк с тремя бандитами ждет меня дома... Боб... Родной сын мой!.. — вырвалось у него.

— Надо немедленно захватить Толстяка с бандой, — сказал Виктор и позвонил. — Они действуют пока тихо, вылавливая нас по одному. На завтра на заводе назначено собрание. Будут выступать фашисты... Сам Лаке изволит приехать... Они хотят нас втянуть в дискуссию и там же забрать, а некоторых переловить сегодня... Шпики после отъезда Кочубы разгуливали

здесь по парку. Погода не очень располагает к прогулкам. Очевидно, им сообщили про оружие. Надо действовать, Берг. Я уже мобилизовал первый и второй отряды. Не возражаешь?

Да, эта ночь должна быть началом восстания. Да, эта ночь! Совершенно ясно, что разгром завода и революционной организации начался с вечера. Несомненно, сегодня же ночью или завтра начнется открытое нападение фашистов. Надо предупредить его. Убийство Ласточки, открытое предательство и засада Толстяка в доме Берга, грузовики с прожекторами, якобы случайно оставленные давно прошедшими войсками, наводнение завода фашистами, большое фашистское собрание в кинематографе, на которое приехало много вооруженных фашистов из города, — собрание, странно назначенное на девять часов вечера, — с явным расчетом на то, что вооруженная банда останется на ночь в поселке; назначение фашистского собрания на заводе утром — опять-таки для того, чтобы иметь повод скопить еще несколько сот бандитов; незаметно увеличенная и усиленная охрана наружной и тайной полиции; артиллерия, которая, по сведению разведки первого отряда, расположилась в двух километрах от поселка, — все это было слишком явно.

Виктор вовремя мобилизовал первый и второй отряды.

К часу ночи первый отряд в полной тишине занял возвышенную часть парка, искусно сняв несколько часовых.

Пекарня была занята частью второго отряда. Большое количество хлеба в абсолютной тишине из рук в руки, по цепи, было передано к условленному месту, предусмотренному по плану, около старого колодца.

Третий отряд, несколько позднее мобилизованный, занял столовую, вооружившись ручными гранатами и винтовками, находившимися в потайном ходу. Часть третьего же отряда

рассыпалась по поселку и расположилась во всех окнах, обращенных в сторону шоссе, ведущего в город.

Группа рабочего революционного трибунала с охраной в двадцать рабочих через двадцать минут после беседы Берга с Виктором окружила дом Берга и арестовала Толстяка с тремя фашистами-охранниками. Толстяк и фашисты были вооружены кинжалами, гранатами и, несомненно, пришли арестовать Берга.

В железнодорожной будке, где содержались три провокатора, был найден заколотым железнодорожник — боец первого отряда. Провокаторы были освобождены Толстяком.

Очень трудно было с детьми, с женщинами, стариками и больными. Их пришлось собрать в помещение школы. Много усилий и времени было потрачено на то, чтобы сделать это по возможности бесшумно.

Необходимо было еще ночью захватить все ходы и выходы в цехах, не выпускать сомнительных людей из третьей смены. Телефонная связь с городом была прервана.

Первое вооруженное столкновение произошло с караульным отрядом, расположенным в комендатуре. В караульном помещении находилось около восьмидесяти человек военной охраны. Ровно в два часа, без сигналов, все наружные караульные были сняты со своих постов и разоружены и тут же заменены революционной охраной.

Караульный же отряд, находящийся в резерве, наполовину отдыхал, раздетый, расположившись на нарах, зато другая половина, человек в сорок, оказала сильное сопротивление, и их пришлось усмирять гранатами и штыками.

Одновременно же, то есть ровно в два часа, был окружен и взят штурмом кинематограф, заполненный фашистами. Фашисты расставили часовых и разослали далеко вокруг кинематографа патрули, но атака рабочих была так стремительна и неожиданна,

что очень многие растерялись и неспособны были оказывать сопротивление.

Предположение, что они приехали не столько на собрание, сколько для того, чтобы остаться на ночь в поселке и быть готовыми к выступлению, подтвердилось. Собрание давно закончилось, многие из бандитов дремали, многие развлекались и попивали вино. Тем не менее сопротивление они оказали серьезное, и бой завязался по обе стороны продолговатого здания кинематографа. Чтобы не поднимать шума, первому отряду был дан приказ не стрелять, а действовать штыками.

Ровно же в два часа была перебита наиболее реакционная часть администрации, за исключением хозяина и его сына, которые, очевидно зная о готовящихся ночных событиях, заблаговременно уехали в город.

Толстяк и трое охранников были расстреляны у обрыва.

Штаб восставшего завода находился в больничной кассе. Здесь было всего удобнее теперь уже не тайно, а открыто возглавлять военную организационную работу. Филиалом штаба или одним из главных оперативных пунктов была скромная сторожевая будка Виктора. Связь была многосторонняя. Революционные пикеты, курьеры работали непрерывно. Молодежь и женщины в несколько часов разобрали булыжную мостовую, сложив несколько баррикадных стен.

Две виковские «постели» были убраны, мешки заполнены песком и положены в определенное место. Полный порядок сопровождал все процессы рабочего восстания. Раненые немедленно уносились в санпункты. Там они получали внимательную помощь.

Четвертый и пятый отряды находились в запасе, охраняя все подступы к поселку и заводу. Ни один случайный человек в

город не был пропущен. Двести рабочих-снайперов расположились на удобных местах вокруг поселка и завода.

Отряд текстильщиков и текстильщиц охранял железнодорожный путь, разобрав во многих местах шпалы и рельсы. Он же окружил три батареи артиллерии, расположенной в двух километрах от поселка,— произошел горячий бой, в котором огромный героизм проявили женщины-текстильщицы. Орудия были отняты у артиллеристов и перевезены в поселок.

Семьдесят пять лучших агитаторов в полночь вышли и выехали по направлению к городу с целью преградить путь войскам, которые, несомненно, пойдут на восставший рабочий городок. Горячее революционное слово на многих и многих окажет должное влияние.

Боб вместе с другими строил баррикады и заполнял мешки песком. Однако он два раза отлучался. Открыто и крадучись, иногда под пулями, приближался он к небольшому деревянному дому, стоявшему на окраине поселка. Там жила Анна. Он упросил нескольких бойцов первого отряда пойти с ним в этот дом и осмотреть его. Его просьба была исполнена. В комнате Анны было оружие, были полицейские значки, фашистские бланки. Анны не было. Боб обежал все места, где она могла бы быть, но ее нигде не было. Ее настоящее пребывание было связано с совсем иными местами, о которых не знал Боб.

Это была великая ночь! Чего только не узнал Боб за ее трепетные часы! Столь многое-многое стало ему ясно!

Недалеко от холма, мимо которого пробежал Боб, какой-то человек горячо убеждал другого, сидящего на лошади:

— Немедленно скачи в батальон! Кочуба тебе приказывает. Телефон прерван. Скачи прямо в батальон. Пускай идут сюда. Я тебе передаю личный приказ Кочубы. Слышишь?! Он думал, что можно будет вызвать войска по телефону, но телефон прерван.

Боб понесся к Виктору. Оказывается, Кочуба здесь!

Но Виктор знал об этом, улыбнулся и поцеловал Боба.

Кочуба сделал вид, что уехал на автомобиле. Для этого он так медленно проезжал по освещенным местам поселка. Но медленное движение машины ему нужно было и для другого. В густой тени он вышел из машины, и его «заменял» похожий на него охранник. Виктору это было известно. Рабочие хорошо следили за Кочубой. Кочуба находился в церкви, и церковь охранялась надежными рабочими-бойцами.

Было много неожиданного в эту ночь. Какие-то предатели подожгли лавку. На заводе потух свет в двух цехах, и оттуда кто-то стрелял по лестницам, по главным артериям завода. Очевидно, завод не был до конца очищен от фашистов. Из одного окна было выброшено оружие. Раздавались неожиданные гудки.

Винная лавка была разграблена. Неведомые люди раздавали бойцам водку. Одну группу пьяниц пришлось долго убеждать вернуть несколько десятков бутылок.

Наконец, пришло время заняться Кочубой! Фантазия его не была особенно богата. Искать его пришлось не долго. Он находился в поселочной церкви, притаившись в одной из ниш. Охранявшие его фашисты и жандармы были перебиты. Он метался по церкви, но никуда не мог уйти. Он ждал помощи из города, но был найден раньше, чем успел составить хоть сколько-нибудь связный план своей защиты. Он раскрыл рот и не мог произнести ни слова.

На рассвете его привели в помещение больничной кассы, куда он давно собирался и с которой грозил расправиться одной из первых.

Берг позвонил Виктору, приглашая его прийти посмотреть на Кочубу. Виктор ответил, что занят.

Начинался первый день победы. Предстояло еще много работы, чтобы укрепить ее. Нужно было всесторонне укрепить завод, окончательно уничтожить провокаторов и изолировать малодушных.

Нужно было позаботиться о серьезной помощи раненым, об организации продвижения резервных боевых рабочих частей на фронт, в тыл фашистским войскам, о захвате аэродрома, расположенного в шести километрах от завода, о воздушной защите завода от возможной расправы с воздуха, о подготовке посадочных площадок, об организации продовольствия, о прочной защите революционного порядка в рабочем городке до прихода красных. Работы было много, и Виктор сказал Бергу:

— Поговори с ним сам.

И Берг, усталый, взволнованный, но менее гневный и нервный, чем всегда, ибо он твердо верил в победу, сказал Кочубе:

— Вот что, господин полковник, по-видимому, придется нам вас обидеть по вашему способу: обидеть так, чтобы вы не могли обидеться.

И он отдал распоряжение о передаче жандарма революционному трибуналу. Затем Берг вышел на верхнюю площадку лестницы и забрался на крышу завода.

Было уже светло... Отдельные выстрелы еще доносились с разных мест поселка. Берг поскользнулся и чуть не упал. Крыша была влажная. Но не всюду. Чьи-то крепкие преданные прекрасные руки обложили плосковатую крышу завода мешками с песком. Это для того, чтобы бомбы возможно меньше разрушали здание.

Пробираясь по мешкам, Берг добрался до самого высокого места крыши и, глядя на светлеющее небо, вдыхая усталой

грудью вольный рассветный ветер, водрузил заранее
приготовленный им же высокий стальной шест.

И на этот шест высоко поднял красное знамя.

Биографии

РУБИНШТЭЙН, ЛЕВ ВЛАДИМИРОВИЧ (1905-1995)

(16 мая 1905, Минск — 1995, Нью-Йорк) — рус. сов. писатель. Окончил историко-этнологич. ф-т МГУ (1928). Первая повесть — «Японские пленники» (1931). Широкую известность получила повесть Р. «Тропа самураев» (1934) — о восстании нижних чинов самурайской роты; в повести правдиво изображен облик япон. армии, классовая борьба в Японии. Повесть «Адмирал Сенявин» (1945) рисует одного из славных рус. флотоводцев. В повести «Дорога победы» (1954) создан образ полководца М. И. Кутузова. Обращаясь к истории освободит. движения в заруб. странах, Р. создает повесть «Черный ураган» (1962) — о гражд. войне в США в 60-х гг. 19 в., о героине амер. народа негритянке Гарриет Табмен, сражавшейся под именем легендарного генерала Моисея за освобождение негров от рабства. Повесть «Честный Эйб» (1964) посв. Аврааму Линкольну. В кн. «На сопках Маньчжурии» (1948) Р. рисует разгром сов. войсками япон. Квантунской армии в авг. 1945. Мн. книги Р. адресованы детям и юношеству: историч. повести «Азбука едет по России» (1967), «В садах Лицея» (1969) и др. В 1980 подаёт просьбу о выезде из СССР. Исключён из Союза Писателей.

В 1981 году эмигрирует в США, печатается в газете «Новое Русское Слово».

Соч.: Крушение юга, М., 1936, Когда цветут реки, М., 1958; Черный ураган. Честный Эйб. [Вступ. ст. Р. Фраермана], М., 1965.

Бела Иллеш **(1895 -1974)**

Иллеш (Illés) Бела - венгерский писатель. Член Коммунистической партии с 1919. Окончил юридический факультет Будапештского университета. В 1916 призван в армию, участник венгерской пролетарской революции 1919. После её поражения эмигрировал. В 1920 вёл нелегальную работу в Закарпатской Украине. С 1921 жил в Австрии, в 1923—1945 — в СССР. В 1925—33 секретарь Международного объединения революционных писателей. Впечатления военных лет отразил в романе "Записки доктора Пала Утриуша" (1917). Роман "Тисса горит" (рус. пер. 1929—33, на венг. яз. 1957) воссоздаёт борьбу венгерских трудящихся в 1919 за советскую республику. Трилогия "Карпатская рапсодия" (рус. пер. 1941, на венг. яз. 1945) посвящена жизни и революционной борьбе трудящихся Закарпатья; роман "Обретение родины" (кн. 1—3, 1952—54, рус. пер. 1959) — событиям 2-й мировой войны 1939—45 и освобождению Венгрии. Лауреат премии имени Кошута (1950, 1955).

Исаак Зарубин **(1913-1944)**

Родился 13 июня 1913 г. на Смоленщине в Спас-Деменске. В 1932 г. уехал в Москву, поступил в Литературный институт. 1934 г. –

книга рассказов «На солнечной стороне». 1935 г. — новеллы «Усталость» и «Возражение». В 1941 г. ушёл на фронт. 5 января 1944г. погиб от осколка вражеской мины.

**Герасимова,
Валерия Анатольевна
(1903—1970)**

Герасимова Валерия Анатольевна [14(27).4.1903, Саратов,- 2.6.1970, Москва], русская советская писательница.

Чл. КПСС с 1926. Окончила МГУ (1926). Начала печататься в 1923 (повесть «Ненастоящие»). Автор сб. рассказов «Панцирь и забрало» (1931), повестей «Жалость» (1933), «Хитрые глаза» (1938), «Байдарские ворота» (1944), «Знакомое лицо» (1960), «Земное притяжение» (1969). Одна из основных тем Г.-разоблачение мещанина, ненастоящего человека, которому противостоят носители социалистической морали. Награждена орденом Знак Почёта и медалями.

Редактор журнала «Смена» (1936—1938).

Преподавала в Литинституте (1956—1969).

Соч.: Избр. произв., М., 1958; Глазами правды, М., 1965; Быть собой. Повести и рассказы, М., 1970.

**ЛЭВИН,
БОРИС МИХАЙЛОВИЧ
(1898-1940)**

Лéвин, Борис Михайлович [24.XII.1898 (5.I.1899), д. Загородино Витебской губ., — 6.I.1940] — рус. сов. писатель. В 1918—22

служил в Красной Армии. В 1930 окончил физ.-мат. ф-т МГУ. С 1923 сотрудничал в сатирич. журналах и газетах, писал юмористич. рассказы из быта студенчества, служащих. Повесть «Жили два товарища» (1931) — первая попытка более широкого охвата жизненных явлений. Наиболее значит. произв. Л. — роман «Юноша» (1933), герой к-рого — молодой художник — находится в плену индивидуалистических настроений. Ему противостоят коммунисты, нравственно здоровые люди с целостным мировоззрением. Многочисл. экскурсии в прошлое помогли Л. нарисовать выразит. картины жизни рус. интеллигенции в первые годы революции. Углубленный психологизм сочетается в романе с иронич. интонацией. Л. — автор пьес «Родина» (1936) и «Под ясным небом» (1938). Совм. с П. Павленко написал сценарий кинофильма «Яков Свердлов» (1940). В последние годы Л. стремился запечатлеть образы героев-современников (очерк «Евгений Константинович Федоров», 1938; повесть «На Врангеля!», 1939). Участник освободит. похода Сов. Армии в Зап. Белоруссию и войны с белофиннами (1939—40), Л. погиб на фин. фронте в бою под Суомус-Сальми.

**ФИШ,
ГЕННАДИЙ СЕМЕНОВИЧ
(1903-1971)**

Фиш, Геннадий Семенович [28. III(10. IV). 1903, Одесса, — 6.VII.1971, Москва] — рус. сов. писатель. Чл. Коммунистич. партии с 1943. Род. в семье инженера-строителя. Окончил Ин-т истории иск-в (1924) и ф-т обществ. наук ЛГУ (1925). Начал печататься в 1922. Выпустил стихотв. сб-ки: «На Неве» (1926), «Разведка» (1927), «Контрольные цифры» (1929), «Дело за мной»

(1931), «Тетрадь Аркрайта» (1933) и др. В 1932 вышла повесть «Падение Кимас-озера» — о разгроме белофинской авантюры в Карелии в 1922, — получившая высокую оценку М. Горького и выдержавшая св. 20 изданий. О Карелии в годы Гражд. войны и социалистич. строительства Ф. пишет и в повестях «Мы вернемся, Суоми!» (1933—34), «Третий поезд» (1935), «Ялгуба» (1936), «Клятва» (1937). Для этих произв. характерно сочетание строго фактич. основы с остросюжетным повествованием. Как воен. корр. ф. участвовал в сов.-финл. войне 1939—40 и Великой Отечеств. войне. События воен. поры нашли отражение в книгах «Северная повесть» (1942) и «День рождения» (1944). С 1939 Ф. выступал с научно-популярными книгами по вопросам биологии и с. х-ва. За последнее десятилетие выпустил ряд очерковых книг о сканд. странах: «Здравствуй, Дания!» (1959), «Встречи в Суоми» (1960), «Норвегия рядом» (1963), «Отшельник Атлантики» (1963), «У шведов» (1966). Сканд. книги Ф., соединяющие живое и увлекат. изложение с серьезными, непредвзятыми размышлениями, вызвали мн. откликов в сканд. странах, особенно в Швеции. Ф. написал сценарии фильмов. «За Советскую Родину» (1939), «Девушка с характером» (1939) и неск. пьес. Переводил стихи Р. Киплинга и нек-рых др. поэтов. Выступал со статьями по вопросам лит-ры и иск-ва. Книги Ф. переведены на мн. иностр. языки. Соч.: Избранное. [Предисл. Ф. Светова], М., 1965; После июля в семнадцатом. Невыдуманная повесть с историч. и лирич. отступлениями, «Нева», 1970, № 4.

**РУДЕРМАН,
МИХАИЛ ИСААКОВИЧ
(1905-1984)**

Рудерман, Михаил Исаакович [р. 22.IV(5.V).1905, Харьков 05.05.1905 - 30.05.1984] — рус. сов. поэт. Учился на лит. отделении Харьков. ин-та нар. образования. Печатается с нач. 20-х гг. Автор сб-ков стихов: «Эстафета» (1930), «Звездный пробег» (1933), «Песня о тачанке» (1937), «Земля весенняя» (1958) и др., а также ряда произв. в стихах для детей: «Петрушка беспризорный» (1930), «Субботник» (1930), «На крейсере» (1932), «Путешествие за облака» (1934), «Здесь будет вода» (1952), «В Москве весна» (1958), «Дедушкина тачанка» (1965), «Северный май» (1968) и др. Нек-рые стихи Р., положенные на музыку, стали нар. песнями; особую популярность приобрела «Песня о тачанке» (1935; музыка К. Я. Листова). Написал историч. повесть о поэте А. Полежаеве — «Штрафная жизнь» (1934).
Соч.: Ты лети с дороги, птица. [Вступ. ст. Е. Долматовского], М., 1966.

**ЗОЗУЛЯ, ЕФІМ ДАВІДОВИЧ
(1891—1941)**

Ефим Давидович Зозуля — русский советский прозаик и журналист.
Сын мелкого служащего. Детство прошло в Лодзи и Одессе. С 1911 он работал журналистом в Одессе, а в 1914—1918 — в Петрограде.

В 1919 переехал в Москву; в 1923 вместе с М. Кольцовым основал журнал «Огонёк» (был составителем номеров, постоянным автором, позднее организовал книжную серию «Библиотека „Огонька“»). В 1927 году принял участие в коллективном романе «Большие пожары», публиковавшемся в журнале.

В 1927—1929 было издано его собрание сочинений в трёх томах (запланированный 4-й том так и не вышел). Два романа Зозули, писавшиеся около 1930, остались незавершёнными. В 1930-е годы печатался мало и только в журналах.

С началом войны пошёл в ополчение рядовым, два месяца служил в артиллерии, затем получил назначение во фронтовую газету. Военный корреспондент газеты 31-й армии "Иду на врага" Зозуля Е.Д. умер от ран 3.11.1941 года[1]. Причиной стала гангрена пальцев ног и пневмония[2]. Похоронен в г. Рыбинске, на Старо-Георгиевском прицерковном кладбище.[3]

Творчество Зозули было забыто, его произведения не издавались. Единственное посмертное издание выходило в 1962.

ЛАЗАРЬ ИОСИФОВИЧ ЛАГИН

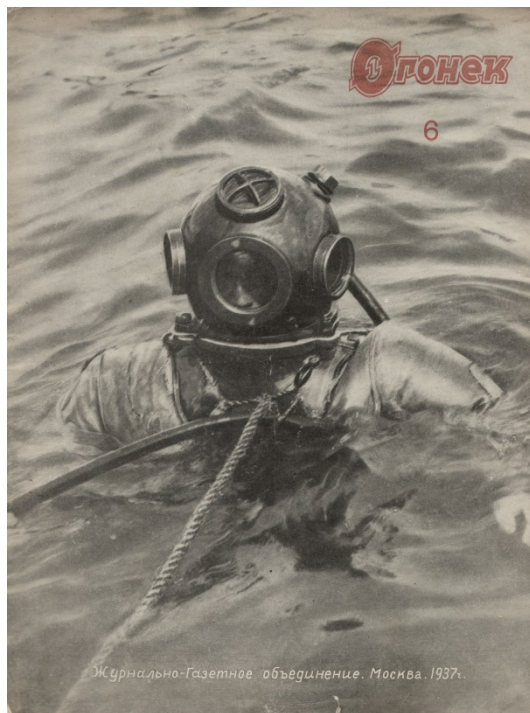
(1903—1979)

Ла́гин, Лазарь Иосифович [р. 21.XI(4.XII).1903, Витебск] — рус. сов. писатель. Чл. Коммунистич. партии с 1920. Окончил Ин-т нар. х-ва им. К. Маркса (1925), учился в Ин-те красной профессуры (1930—33). В 1922 выступил в комсомольской печати как поэт и фельетонист. В 1938 опубл. детскую повесть-сказку «Старик Хоттабыч», рассказывающую о веселых и поучит. приключениях двух пионеров и джинна, перенесенного из сказок Шахерезады в наши дни. Повесть выдержала мн. изданий и переведена на многие языки. Впоследствии Л. написал сценарий для одноим. кинофильма (1957). В 1945 опубл. воен. повесть «Броненосец „Анюта“». В след. своих книгах Л.

разрабатывает жанр своеобразного памфлета, синтезирующего элементы сатиры, фантастики и остро занимательного романа приключений и направленного гл. обр. на разоблачение античеловеч. сущности капиталистич. строя: романы «Патент „АВ“» (1947), «Остров разочарования» (1951), «Атавия Проксима» (1956), повести «Майор Велл Эндью» (1962), «Съеденный архипелаг» (1963), «Белокурая бестия» (1963). Опубл. сатирич. кн. «Обидные сказки» (1959), а также сказки для детей.

Библиография

Эпизоды будущей войны: ж. «Огонек», 1937г. №5,6,8,10,32

Для оформления книги использованы плакаты:

Корецкий В. “Если завтра война” 1938г.

Луганский П.И. “Красная армия оплот мирного труда...” 1934 г.

Клуцис Г. “Да здравствует мировой Октябрь” 1933 г.

Алимова В.П. “Каждый комсомолец должен овладеть военной специальностью” 1941 г.

Бри-Бейн М.Ф. “Мы были страной патриархальщины...” 1934 г.

Кейль А.И. “Единым фронтом против фашизма...” 1935 г.

Караченцов (Караченцев) П.Я. “Мы рождены чтоб сказку сделать былью” 1937 г.

Моор Д. “Черные вороны готовят набег на СССР”

Малютин И.А. “ Мы воюем с панским родом...” 1920 г.

Клинч (Петрушанский) Б.Г. “Вперед-к мировому октябрю” 1933 г.

Климашин В. “Да здравствует непобедимая Красная армия и могучий флот СССР” 1940 г.

На обложке плакат **Вялова К.** “Да здравствует наша родная непобедимая Красная Армия” 1936 г.

Оглавление

Эпизоды будущей войны	4
Л. Рубинштейн. На марше	8
Бела Иллеш. Между горным кряжем и рекой	22
Исаак Зарубин. Письмо	28
Валерия Герасимова. Баба	32
Бор. Левин. Случай в госпитале	38
Геннадий Фиш. Ольга Попова выполняет задание	43
Михаил Рудерман. Вино и яд	53
Лазарь Лагин. Без вести пропавший	59
Ефим Зозуля. Восстание	74
Биография	98
Библиография издания	106

Электронное
литературно-художественное издание

ЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Л

ПРИКЛЮЧЕНИЯ • ПУТЕШЕСТВИЯ •
ФАНТАСТИКА

LEO